
ВСКРЫТЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ
АЛЕКСАНДР ИЗМАЙЛОВСКИЙ

Александр Измайловский

Вскрыть после смерти

«Автор»
2026

Измайловский А.

Вскрыть после смерти / А. Измайловский — «Автор», 2026

В бюро «Адресат» хранят рукописные письма для доставки после смерти клиента. Редактор Илья Корнеев привык беречь чужие слова и не задавать лишних вопросов. Пока не выясняется, что два прощания пришли родственникам ещё при жизни авторов — за день до их гибели. А следующий подготовленный текст подписан его отцом. Все трое связаны с паводком пятнадцати летней давности. Тогда одна лодка вышла по двум адресам, двоих людей не удалось спасти, а итоговый отчёт оставил удобную историю, с которой можно было жить дальше. Теперь кто-то меняет поручения в настоящих письмах и заранее направляет действия будущих свидетелей.Илье предстоит сравнить рукописи, восстановить порядок доставок и сделать доверенные бюро слова частью расследования. Но самая трудная часть — услышать ответ живого человека, которого хочется защитить любой ценой.

© Измайловский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Досрочно 5
Глава 2. Два адреса 11
Глава 3. Распоряжение клиента 16
Глава 4. То, что уже сделали 23
Глава 5. Чужой голос в трубке 30
Глава 6. Конверт отца 35
Глава 7. Последняя просьба Серова 41
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Александр Измайловский
Вскрыть после смерти

Глава 1. Досрочно

15 октября 2026 года. Реченск

— «Всё-таки» верните, — сказала женщина.

Илья поставил курсор между двумя словами.

— Здесь получается, что вы до последнего сомневались.

— Я и сомневалась.

Она подвинула к себе лист, прикрыла ладонью нижнюю половину и перечитала начало. На рукописи вместо ровной строки теснились крупные буквы: последние слоги приходилось дописывать над предыдущими. Илья вернул «всё-таки». Женщина сразу убрала ладонь.

— Вот теперь похоже.

На экране было четыре версии этого письма. В первой он исправил повторы, во второй переставил предложение, в третьей вернул предложение на место. Четвёртая отличалась от рукописи только тем, что её мог прочесть человек, не привыкший к этому почерку.

— Сыну — напечатанное, — напомнила женщина. — А эти листы сестре. Она знает, куда положить.

— Я записал.

— Ему мой почерк разбирать тяжело. Он и записки на холодильнике фотографировал, чтобы увеличить. А сестра хочет именно бумагу. Сколько раз я уже ей объясняла, что тут ничего ценного.

Илья развернул к ней распечатку.

— Последний раз проверьте целиком. Потом подпишите внизу и поставьте дату. Это наш контрольный экземпляр. По нему подготовят тот, который получит сын.

— Подпись там тоже моя будет?

— Если захотите, перенесём изображение. Но сейчас вы утверждаете весь текст. Пройдите до конца, пожалуйста.

Женщина вздохнула и достала очки, хотя до этого читала без них. На дужке болталась тонкая нить. Надевая очки, она придержала нить пальцем.

За стеклом двери Ирина подняла ладонь: кто-то пришёл без записи. Илья показал два пальца. Клиентка дошла до последней строки, вернулась к середине и прочла ещё раз. Он дождался. На эту часть работы времени в расписании обычно не хватало.

Когда женщина ушла, Илья положил рукопись отдельно от подписанной распечатки. На экране осталось её «всё-таки». Он уже тянулся закрыть файл, но сначала сохранил его с новой датой.

Дверь открылась прежде, чем он успел встать.

— Кто у вас решает, когда отдавать письмо?

Мужчина остановился в двух шагах от стола. Молния на его куртке была застёгнута до самого подбородка, а мокрый капюшон лежал на одном плече. Он держал белый пакет с эмблемой «Адресата». Сгиб пересекал эмблему пополам.

Ирина вошла следом.

— Илья, здесь по вчерашней выдаче. Я предложила подождать Марину Павловну, но…

— Кто решает? — повторил мужчина.

— Отправитель, — сказал Илья. — Садитесь. Можно посмотреть номер?

Мужчина положил пакет перед ним и остался стоять.

У пакета отклеился один угол прозрачного кармашка. Внутри лежал листок курьерской квитанции: номер заказа, фамилия получателя, дата. Четырнадцатое октября. Получатель — Потапов Максим Андреевич.

— Вы Максим?

— Да.

— Я редактор. Илья Корнеев.

Он повернул к посетителю табличку, лежавшую у монитора. Её давно убрали с края стола, чтобы освободить место для клиентских бумаг.

Максим прочёл фамилию, посмотрел на него и расстегнул куртку.

— Я только про выдачу хочу узнать. Текст там личный.

— Конечно.

Илья подвинул пакет обратно, чтобы тот оставался ближе к Максиму, и набрал номер заказа. Три года хранения. Автор — Галина Викторовна Потапова. Одно письмо, пять рукописных страниц, согласованная расшифровка. Последнее изменение контактов — в августе.

— Вчера вам доставили по этому адресу?

— Да. Ко мне на работу. В девять с чем-то.

— В девять семнадцать, — сказала Ирина, уже открыв запись на планшете. Маленький пластырь у основания большого пальца смялся, когда она повернула экран к Илье. — Это мой курьер. Я проверю квитанцию.

— Квитанция здесь. Я получил. Я спрашиваю, почему.

В карточке стояла зелёная отметка: «Досрочно. По распоряжению клиента».

Илья развернул окно согласований. Строка добавлена во вторник после шести. Основание — подтверждение автора. Файл подтверждения не открылся: возле названия серел пустой значок.

— Ваше письмо выдали досрочно, — сказал он. — То есть не после…

— Не после. Она вчера была жива.

Максим наконец сел, но куртку не снял. Пакет он подтянул к себе и прижал ладонью.

Илья убрал руку с мыши.

— Что значит «вчера»?

— Сегодня её не стало. Мне позвонили в двенадцать двадцать.

— Что случилось?

— Соседка нашла её дома. Я попросил проверить, потому что тётя не отвечала. Потом сам приехал. Там уже… — Он посмотрел на Ирину. — Это вы мне сегодня звонили?

Ирина перестала придерживать дверь.

— Да. Галина Викторовна просила передать, что уехала и до вечера её не будет.

— А она была дома.

— Мне она сказала, что уезжает.

— Когда вы с ней говорили? — спросил Илья.

— После двенадцати. Я потом сразу Максиму набрала.

Максим вынул телефон, но не стал его открывать.

— Я ей после вас позвонил. Не взяла. Соседка у неё через стенку живёт, ключ есть. Я попросил…

Он провёл ладонью по молнии куртки и остановился у воротника.

В приёмной дважды звякнул дверной колокольчик: первая посетительница вернулась за зонтом и снова вышла. Ирина прикрыла дверь в кабинет.

— Мне очень жаль, — сказала она.

Максим кивнул, глядя на пакет. На полу под его стулом уже собрались несколько капель.

— Галина Викторовна — ваша тётя? — спросил Илья.

— Тётя. Я ей вчера звонил. Сразу как это принесли. Она сказала, что ничего не отправляла. Я подумал, у неё опять какие-нибудь дела… Она последние дни всё куда-то собиралась.

— Вы сказали, откуда письмо?

— Сказал. Название прочёл. Она ещё переспросила, кто доставлял. Я сказал: курьер, отдал под подпись. Тогда она велела ничего пока не делать. И сама сюда позвонить собиралась.

Илья посмотрел на Ирину.

— Я вчера была на выдачах до обеда, — сказала та. — Входящие проверю. С работы или с мобильного она вам звонила?

— Я ей звонил.

— Простите. Вы ей. На обычный номер?

Максим достал телефон, нашёл звонок и показал экран. Ирина сверила последние цифры с карточкой.

— Этот. Вы не могли бы…

— Мог бы. Только объясните сначала, что за распоряжение она вам дала.

На столе между ними лежал договор сегодняшней клиентки, ещё не убранный в папку. Илья перевернул его чистой стороной вверх. Он делал так всегда, когда приходил следующий посетитель. Максим перевернул телефон экраном вниз.

— Я найду основание, — сказал Илья. — У нас должно сохраниться подтверждение.

— Должно?

— Да. А сейчас я его не вижу.

Ирина поставила планшет на край стола.

— Иногда скан прикрепляют к другому обращению. У Галины Викторовны были изменения адреса. Я посмотрю у себя.

Она отошла к двери, остановилась.

— Максим, курьер забрал у вас что-нибудь? Документы, пакет для обратной передачи?

— Нет. Я и сам никуда не поехал.

— Хорошо. Я проверю, с чем он выезжал.

Она вышла. Илья снова открыл карточку. В августовском обращении лежал только новый рабочий адрес Максима и просьба звонить ему заранее: пропуск на территорию нужно заказывать. Распоряжения о выдаче там не было.

— Вы раньше знали, что тётя оставила вам письмо?

— Знал, что где-то хранит. При мне она про это говорить не любила. Сказала: бумажное прочтёшь, когда придётся. Я спросил, почему не сейчас. Она сказала, сейчас сама может.

Он провёл пальцем по отклеившемуся кармашку. Плёнка прилипла к пальцу и потянулась следом.

Илья узнал оборот. «Когда придётся» многие произносили за этим столом. Так было удобнее обсуждать дату, которую нельзя вписать в календарь. Иногда он сам подхватывал эти слова, чтобы не заставлять человека повторять «после моей смерти». В карточке за ними всё равно стоял вполне определённый порядок действий.

— Она вам что-нибудь ещё объяснила вчера? Почему просила пока ничего не делать?

— Я на работе был. Шумело всё. Сказал, вечером наберу. Вечером не набрал.

Илья подвинул к Максиму стакан с водой. Тот поставил его на подоконник, освобождая место для пакета.

— Вы сообщили о письме полиции?

— Сообщил. Фотографии отправил. Само письмо обещал привезти. Я не собирался здесь его оставлять.

— И не оставляйте, — сказал Илья. — Я могу записать номер и время вручения?

Максим подвинул квитанцию, не выпуская её из пальцев.

Двенадцать двадцать — звонок о смерти. Вчера в девять семнадцать — доставка. Двадцать семь часов. Но время звонка ещё не было временем смерти. Илья записал обе даты раздельно и отметил, откуда знает каждую. Привычка оформлять чужую неясность на бумаге пока помогала.

— Кто с вами разговаривал? Следователь?

— Антон Крылов. Он сказал, что можно к четырём.

Настенные часы показывали без двадцати четыре. До отделения было десять минут на машине, если не стоять на перекрёстке у рынка. Илья взял чистый лист.

— Я дам вам сведения, которые сейчас проверил. Что письмо действительно наше, когда было вручено и на каком основании провели выдачу. Отдельно укажу, что подтверждение этого основания пока не найдено. Передадите ему.

— Вы сначала найдите.

— Попробую успеть.

— Не «пока». Напишите, что она ничего вам не разрешала.

— Этого я сам не знаю. Я могу написать, что вы разговаривали с ней и она отрицала распоряжение.

Максим убрал квитанцию к себе.

— То есть моей тёте вы верить не обязаны.

Илья посмотрел на зелёную строку. Кто-то поставил отметку, и этого оказалось достаточно, чтобы пакет вынесли из архива, подготовили к выдаче и отправили.

— Я обязан проверить, почему мы поступили вопреки её словам, — сказал он. — И написать так, чтобы это потом можно было проверить ещё раз. Если я сейчас подменю слова вашей тёти своими, получится то же самое.

Максим некоторое время смотрел на него. Потом снова положил квитанцию на стол.

В коридоре тихо заговорили две женщины. Марина вернулась с обеда. Илья слышал, как Ирина объясняет ей про доставку, но слов за закрытой дверью разобрать не мог.

Ему вспомнился звонок во вторник. Женщина спрашивала, может ли забрать рукописный оригинал письма отца: полученный экземпляр она хотела сохранить, а с рукописью разобраться отдельно. Илья тогда переспросил номер заказа. Серов, Виктор Петрович. Заказ вёл другой редактор, поэтому он передал обращение Ирине, а сам вернулся к ожидавшему клиенту. К концу дня узнал, что Серов умер.

— Подождите минуту.

Илья открыл поиск по фамилии. Заказ Серова. Вручение — двенадцатого октября, в понедельник. Запрос дочери об оригинале — тринадцатого. Уведомление о смерти внесено в тот же день.

Он не помнил, кто именно сказал ему тогда про смерть. Из соседнего кабинета вышла Ирина, Марина забрала чайник, кто-то спросил про ключ от шкафа. Обычный рабочий день. Готовые письма к этому времени уходили своим адресатам, и чужое горе возвращалось в бюро уже в виде вопросов: где хранить, можно ли получить второй экземпляр, кто имеет право прийти за рукописью.

У Серова тоже стояла досрочная выдача.

Илья отодвинул лист, на котором начал готовить сведения для Крылова, и открыл вкладку оснований. Ровно такая же зелёная отметка. Приложения под ней не было.

Он ещё не знал, был ли Серов жив в момент доставки. Это могла подтвердить дочь. Пакет ушёл за день до сообщения о смерти. И тоже досрочно.

Дверь кабинета открылась.

— Максим Андреевич? — Марина остановилась возле свободного стула. — Марина Белова, руководитель бюро. Разрешите?

Максим пожал плечами. Она села, не став снимать пальто.

— Ирина объяснила. Подтверждение мы сейчас ищем. Вы можете оставить нам номер, по которому удобно связаться?

— У вас есть мой номер. Вы мне курьера прислали.

— Верно. На него и позвоним. Я понимаю, как всё это выглядит.

— А я не понимаю.

Марина кивнула, принимая поправку.

— Мы разберёмся. Для начала нам нужно поговорить с теми, кто принимал распоряжение вашей тёти. Сверить обращения. Илья, я могу тебя на минуту?

— Здесь можно.

Она посмотрела на экран.

— У тебя другой клиент открыт.

Илья отвернул монитор от Максима. Тот смотрел на движение его руки.

— Я не показываю текст, — сказал Илья.

— Но фамилия — тоже чужие сведения.

Он не ответил. Марина была права; он всё равно оставил вкладку открытой.

— Галину Викторовну мы знаем давно, — продолжила она. — Она нам доверяла. Не хотелось бы сейчас второпях наговорить вам такого, чего потом нельзя исправить.

— Мне ничего наговорить не надо. Скажите, кто её письмо отправил.

— Подготовкой занимается Ирина. Но сначала мы выясним, было ли распоряжение. Это разные вопросы.

Максим перевёл взгляд на дверь. Илья хотел сказать, что Ирина отвечает за все выдачи, кроме заказов Марины, что она знает семейные договорённости половины клиентов и не раз замечала то, что он проглядел. Всё это было верно и не отвечало ни на один вопрос Максима.

— По этому заказу Ирина поставила отметку о подтверждении, — сказал он.

Марина чуть отодвинулась от стола.

— Её сейчас здесь нет.

— Пусть будет, — сказал Максим.

Илья открыл дверь. Ирина стояла у стойки, разговаривая по телефону. Перед ней лежал развёрнутый ежедневный маршрут курьера; она водила по нему ручкой, перескакивая через зачёркнутую строку.

— Не спрашивай, куда он потом поехал, — говорила она. — Мне нужно только время вручения. Да. Свою фотографию квитанции пришли.

Она закончила разговор и вошла.

— Подтверждения в приложенных документах нет, — сказала Ирина. — Вечером был звонок. Я отметила, чтобы подготовить пакет, а скан… Я должна была остановить выдачу, пока не будет скана.

— Чей звонок? — спросил Илья.

— Мне нужно поднять запись. Я сейчас по памяти не скажу.

— Вы с ней сами говорили? — Максим приподнялся на стуле. — Вы её голос знаете?

— Знаю.

— И не можете вспомнить, она звонила или нет?

Ирина положила планшет перед собой экраном вниз.

— Я не хочу вам врать. Сейчас не могу. Проверю запись и скажу точно.

Она говорила тем же голосом, каким возвращала Илье неправильно составленный адрес: сначала ошибка, затем действие, которым её можно поправить. Он вдруг очень захотел, чтобы нашёлся звонок. Чтобы Галина Потапова распорядилась выдачей, забыла предупредить племянника, рассердилась на собственное решение. Или чтобы позвонила другая клиентка, а Ирина по усталости выбрала не ту карточку. Неправильное письмо. Один неправильный номер.

Но у Серова стояла такая же отметка.

— Ирина, останови, пожалуйста, всё, что на сегодня ещё не ушло. И завтрашние выдачи покажи мне.

Марина повернулась к нему.

— Илья.

— Хотя бы пока не найдём подтверждение.

— Мы не отменяем распоряжения клиентов из-за одного обращения.

— Я прошу задержать пакеты у нас. До проверки.

Ирина посмотрела на Марину. Та несколько секунд молчала, потом кивнула.

— Дай мне список. Остальные проверим после, — сказала она.

— Я принесу папку, — ответила Ирина.

Она взяла со стола ключи. Короткий тканевый ремешок служебного брелока, прихваченный английской булавкой, зацепился за край планшета; Ирина освободила его и вышла.

Когда дверь закрылась, Максим потянул белый пакет к себе и осторожно вынул два сложенных листа. На внутреннем сгибе проступило серое пятно от курьерской печати. Он раскрыл нижнюю часть первого листа.

— Запись ищите, ладно. Только по телефону она мне совсем другое сказала.

Он указал на абзац.

Илья прочёл только то, что оказалось над пальцем Максима:

«Завтра заезжай ко мне после десяти. Нужно забрать у Алексея Корнеева оставленные бумаги. Поговорим обо всём потом, сначала сделай, как я прошу».

Максим следил за его лицом.

— Я вашу фамилию прочёл, — сказал он. — Когда пришёл. Это кто вам?

— Отец.

На столе ещё лежало сегодняшнее письмо со словом «всё-таки». Илья закрыл его чистым листом.

— Вы к нему ездили?

— Я сказал уже, никуда не ездил. Я тёте позвонил. Она велела сидеть на работе. И Корнееву не звонить. — Максим сложил лист, не попадая в прежний сгиб. — Я вначале хотел вам просто письмо показать. А тут фамилия. Решил послушать, что вы скажете.

Илья достал телефон. Последнее сообщение от отца пришло утром: фотография старого кухонного крана и вопрос, не он ли покупал в прошлом году такую же прокладку. Илья ответил, что вечером посмотрит.

Ирина вернулась с тонкой папкой. Дверь она не закрыла.

— На завтра только один досрочный. Остальные штатные, — сказала она и протянула лист Марине.

Илья увидел фамилию поверх края телефона.

Корнеев Алексей.

И ниже, в графе получателя: Корнеев Илья.

— Дайте.

Марина передала ему лист. Распечатанный маршрут на шестнадцатое октября. Утро. Домашний адрес Ильи. Основание выдачи было указано полностью: «Досрочно. По распоряжению клиента».

К листу прикрепили пробный доставочный экземпляр. Внизу последней страницы стояла отцовская подпись с короткой прямой чертой над фамилией. В детстве Илья пытался повторять эту черту, когда отец расписывался в его дневнике. Всегда уводил её слишком далеко вправо.

Пакет с рукописью оставался в архиве. Илья не стал о нём спрашивать.

— Откуда это? — сказала Марина.

Он нажал на имя в телефоне.

Пока шёл первый гудок, Илья ещё успел прочесть дату подготовки. Вчера.

Глава 2. Два адреса

17 апреля 2011 года. Реченск

Борис вынул из лодки чужую кружку и понёс её к берегу, держа двумя пальцами за ручку.

— Чья?

Из открытой двери станции никто не ответил.

— Если опять возьмут мою, буду с каждой дежурной смены по кружке уносить.

Он вылил застоявшийся чай и поставил кружку на перевёрнутый ящик. На её дне осталось бурое кольцо.

Алексей придержал лодку у причала. Сегодня она была одна. Обычно Серов ругался на канат, бьющий о борт соседней лодки. Сейчас канат лежал на досках, а промежуток между сваями был пуст.

— Узнал, когда вернутся?

— Ещё не всех забрали, — ответил Борис. — У них там к двоим шестеро вышли.

Он присел, подхватил с настила свою сумку и поставил у ног Алексея.

На берегу громыхнула железная дверь. Серов попытался закрыть её плечом, не попал в замок и оставил как есть.

— Лёша, мотор послушай. Я его проверил, но мне звук не нравится.

— Что с ним?

— Всё работает. А звук не нравится.

Борис толкнул Алексея локтем.

— У него и новый так же работал. Не нравился.

Лодки Серов знал лучше их обоих, и от его ворчания обычно была польза. Алексей задержался у кормы, послушал мотор и кивнул ему: ничего необычного. Борис в это время передвинул сумки, оставляя нос свободным. Когда Алексей выпрямился, из глубины станции донёсся телефонный звонок.

Было без двадцати пять. Часы висели над дверью, под выцветшей фотографией лодочного парада, и Алексей разглядел их из лодки. До половины четвёртого он ещё рассчитывал, что нижние дворы успеют обойти пешком. Теперь вода стояла за оградой станции, подбиралась к вкопанному в землю старому кузову и шевелила у него под колёсами сухую траву.

Ирина появилась в дверях с телефонной трубкой у плеча. Шнур тянулся за ней через весь стол и не давал выйти на крыльцо.

— Алексей! Дом Седовых знаешь? За бывшим садиком?

— Который с зелёной верандой?

Она вернулась к столу. Он услышал, как она повторяет вопрос в трубку, потом добавляет:

— Да, зелёная. Они самые.

Алексей вылез на настил. Борис подхватил его сумку и пошёл следом.

В комнатке станции было жарко. У батареи сохли чужие варежки; на той, что лежала ближе к окну, уже затвердела корка грязи. Между телефоном и настольным календарём стоял стакан с двумя чайными пакетиками. Ирина придерживала трубку плечом и искала, на чём записать номер.

Серов отодвинул от неё коробку с карандашами, достал из внутреннего кармана тетрадь и открыл на заложенной странице. Слева уже были записаны названия деталей и чьи-то фамилии. Справа оставалась чистая полоса.

— Кто звонит? — спросил Алексей.

— Соседка. Живёт выше, у магазина. Седова сама выйти не может, что-то с ногой. Говорит, к ним со двора уже вода подходит.

— Одна в доме?

Ирина спросила, подождала, закрыла ладонью нижнюю часть трубки.

— Соседка не знает. Видела её утром. Сейчас звонила — Ольга сказала, что ждёт помощь. Номер вот.

Она написала его на обороте календарного листка и подала Алексею. Тот набрал на своём телефоне. Звонок прошёл, но ответа не было.

— Дай мне с соседкой.

Ирина передала трубку.

Женщина говорила так громко, что Алексей отвёл трубку от уха. Она уже звонила куда-то ещё, ей дали номер станции, а на станции ответили не сразу. Пока она рассказывала это, в трубке несколько раз звякнула посуда.

— К дому сейчас со стороны магазина подойти можно? — спросил Алексей.

— Так я же говорю, мне туда идти страшно. Я как увижу эту воду…

— Вам туда не надо. Вы откуда смотрите?

— Из кухни. Я на втором. У меня окно как раз на переулок.

— Дорогу видно?

— Дорогу видно. Забора не видно уже. Который низкий, у поворота. А утром был.

Алексей представил этот поворот. Летом там едва расходились две машины. Справа был двор с кирпичным сараем, слева — старые школьные мастерские; ниже начинался тупик с тремя деревянными домами. К Седовым обычно ехали именно оттуда. С реки за домами тянулось несколько частных огородов.

— Тех, кто к вам может подняться, отправляйте к магазину, — сказал он. — За Седовой не ходите. Я номер записал. Если увидите её в окне, скажите, что о ней знают.

— Вы когда приедете?

В комнате Борис пытался отодрать от календаря ещё один листок. Тонкая бумага рвалась у самого корешка. Он оставил её и пошёл к стене, где висел общий план квартала.

— Сейчас проверяем подъезд, — ответил Алексей.

— Это что значит?

— Вы из окна дверь её дома видите?

Она снова начала описывать забор. Он дослушал, поблагодарил и отдал трубку Ирине.

Та аккуратно положила её на аппарат.

— Адрес в штаб передала. У них тоже по этому кварталу вызовы идут. Что узнаем по проходу, просят сказать.

Серов уже вписал в свою тетрадь: «Седова. За садиком. Сама не выходит», рядом поставил время. К номеру телефона он провёл стрелку от фамилии соседки.

— Там не Седых? — спросил Борис от стены.

— Седова, — сказала Ирина. — Ольга. Я переспросила.

Серов дописал имя. Алексей вернул ему листок с номером.

— В тетрадь перенеси. Этот у меня раскиснет.

Он взял из шкафа сухую куртку. Рукав застрял в пряжке соседней, и Алексей потянул сильнее, раздражённый тем, что приходится ещё и это распутывать.

— Я к повороту схожу, — сказал Борис. — Сверху посмотрю. Если там ещё проезд есть, фургон выведем. Ей-то с ногой на нём лучше.

— Вместе пойдём. Я дорогу помню.

— Все её помнят. До сегодняшнего дня.

Ирина снова сняла трубку. На этот раз она стала записывать на свободном месте перед собой, не дожидаясь Серова.

— Да, спасательная станция. Какая мастерская?

Алексей остановился с одной рукой в рукаве.

— У старой пристани? — повторила Ирина. — Там оставались люди?

Борис подошёл к столу.

— Эту не надо к Седовым приписывать, — сказал он Серову. — Это внизу, за поворотом берега.

— Я знаю, где мастерская.

— Ты знаешь. На схеме для остальных обозначь. А то опять поедут к школьной.

Ирина закрыла микрофон ладонью.

— Мужчина видел, что там дверь изнутри открывали. Сам был у соседнего дома, сейчас уехал. Кто остался — сказать не может.

— Номер его возьми, — сказал Алексей. — И пусть объяснит, откуда видел.

Она кивнула. Алексей наконец освободил рукав. Борис взял со стены небольшой ключ, потом передумал и положил обратно.

— Для фургона? — спросил Серов.

— Сначала посмотрим. Ключ спрячь, а то без нас поедут.

— А кружку мою не видал? — добавил он уже из дверей.

Серов указал на стол у окна.

— Галина взяла. Людям пить дают.

Борис открыл рот, но только втянул воздух через нос и спустился с крыльца.

Алексей догнал его возле ограды. Из-за перчаток он никак не мог застегнуть карман, и телефон приходилось держать в руке. От Седовой всё ещё не перезванивали. Он набрал ещё раз. Борис притормозил. В трубке шли длинные гудки.

На этот раз ответили.

— Ольга Седова? Алексей Корнеев, спасательная станция. Нам передали ваш адрес.

Он услышал, как женщина передвинула что-то тяжёлое рядом с телефоном. Несколько секунд она дышала прямо в трубку.

— Я не могу дверь открыть, — сказала она.

— Вода внутри?

— Пока под крыльцом. Но я одна не спущусь. Встаю — нога совсем…

— Вы сейчас где?

— В комнате. Там окно на огород.

Алексей спросил, кто может ей помочь. Она назвала соседей, потом сама сказала, что те уже уехали. Слова приходилось повторять: ветер на углу шуршал по микрофону. Борис встал с другой стороны от него, прикрыв плечом.

— Я рядом. Смотрю, откуда к вам пройти, — сказал Алексей. — Телефон оставьте возле себя. Мы ещё позвоним.

— Только не наберите и не бросьте. Я долго до него тянусь.

— Дождусь ответа.

Они прошли мимо фургона. От нагретого капота пахло мокрой пылью. На пассажирском сиденье лежал свёрнутый ватник, под лобовым стеклом прилипла записка с телефонным номером. Алексей поднялся на узкую дорожку вдоль ограды, а Борис придержал ветку, хлестнувшую ему по плечу.

Внизу, где прежде стоял дощатый киоск, неслась вода. От самого киоска осталась верхняя часть вывески, зажатая между стволом и оградой. Алексей на мгновение замедлил шаг: ещё утром он покупал там хлеб. Теперь не мог вспомнить, по какую сторону прилавка стоял продавец.

— Коль, не ходи туда!

Голос Потаповой раздался за гаражом. Алексей свернул к ней.

Галина стояла у школьного входа, куда перенесли пункт помощи. Пожилой мужчина упирался носком ботинка в нижнюю ступень, не давая ей закрыть дверь. Через руку у него было перекинуто пальто с набитым до отказа внутренним карманом.

— Я ему объясняю, — сказала Галина Алексею. — Он домой за ключами хочет.

— Да не за ключами, — сердито возразил мужчина. — Ключи вот. Мне дом закрыть надо.

Алексей подождал, пока тот вытряхнет из кармана связку. Ключи вылетели вместе с квитанциями и упали на ступень. Борис подобрал их раньше, чем бумагу потянуло под ноги.

— Где дом? — спросил Алексей.

Мужчина назвал верхнюю улицу, которую пока не залило, и поднял голову. Все трое смотрели на ключи у Бориса в руке.

— Я ненадолго. Вернусь и сяду, как она велит.

— Давайте я соседу вашему позвоню, — сказала Галина. — Вы же мне номер давали. Пусть закроет. Он там остался?

Мужчина не ответил. Борис вернул ему ключи, но тот уже убрал ногу со ступени.

— Не все разом, — попросил он. — Не разговаривайте со мной все разом.

Алексей отступил. Галина провела мужчину внутрь, не взяв его за руку. Из коридора потянуло варёной капустой и мокрой одеждой. За открытой дверью сидели люди, ещё не снявшие уличных шапок. На полу стояла детская обувь, аккуратно сложенная парами под лавкой.

— К Седовым пешком сейчас не пройти, — сказала Галина, вернувшись на крыльцо. — Отсюда мужчина пришёл, с той стороны. Сын его ещё рядом, сейчас позову.

— Сначала сами посмотрим, — ответил Алексей. — Мы к повороту идём.

— Смотрите. Только не обещайте, что через десять минут здесь будете. Мне потом все вопросы.

Она снова вошла в школу.

Борис постоял перед дверью, потом окликнул её:

— Галя, там моя кружка у тебя. Синяя, с железным ободком.

Она обернулась.

— Я не знала.

— Да ладно. Только в лодку её не отдавай. Я себе ещё чаю налью.

В дверях появился мальчик с куском хлеба. Галина наклонилась к нему, выслушала и велела подождать в коридоре.

— Заходите после, — сказала она. — Налью.

За школой дорожка обрывалась у ограды. Обычно здесь спускались на нижнюю улицу по трём бетонным ступеням. Теперь ступени были под водой; над ними покачивалась пластиковая бутылка, зацепленная за прут. До другой стороны переулка оставалось несколько метров. Небольшая белая машина стояла там, почти касаясь капотом кирпичной стены. За ней дорога к Седовым уже не различалась.

Алексей поднялся на выступ фундамента. Отсюда виден был кусок зелёной веранды между двумя голыми яблонями. На её окне темнел прямоугольник — занавеска или отражение соседней крыши. Разобрать человека он не мог.

Борис встал рядом, но выше не полез.

— Фургон не пойдёт, — сказал он.

— Вижу.

— С верхней улицы тоже? За огородами?

Алексей посмотрел туда. Часть ограды ещё стояла, но проход к ней уже пересекал широкий поток. Где дорожка выходила из воды с другой стороны, разглядеть не удавалось.

— Туда не выведем.

Он спустился с фундамента и снова нашёл номер Седовой. Рядом с ним в списке лежали обычные звонки этого утра: со станции, из дома, из магазина. Алексей на секунду прижал телефон к куртке, укрывая от ветра.

— Ольга, это опять Корнеев. Дорогу к вам посмотрели. Вода её закрыла. Будем с реки подходить.

— Так вы же здесь были, — ответила она. — Я вас видела. Тут недалеко совсем.

Алексей поднял голову. В окне веранды двигалось что-то светлое.

Он помахал ей свободной рукой.

— Вижу вас. По дороге не сможем. Ждите звонка.

Женщина не попрощалась. Он услышал, как она кладёт телефон рядом с собой, и ещё некоторое время держал трубку у уха.

Когда они вернулись на станцию, Серов стоял у ворот. Из комнаты Ирина что-то переспросила, и он ответил ей через плечо.

— Вторые? — спросил Алексей.

Серов покачал головой.

— Обещали выйти на связь, когда отчалят.

— По мастерской что?

— Ещё уточняем. Там дверь с реки не видно, кто звонил — уже на другом конце квартала.

Алексей положил перед ним мокрый календарный листок. На одной стороне стояло вчерашнее число, на другой — номер Седовой. Виктор не стал его выбрасывать; расправил ладонью и сунул под обложку тетради.

— Через переулок не пройти, — сказал Алексей. — Фургон не нужен. С реки подойдём.

Ирина, не выпуская трубки, кивнула Алексею и повторила кому-то его слова. Борис взял со стола карандаш, наклонился над планом квартала и коротко зачеркнул дорожку за школой.

Серов положил рядом с тетрадью Иринин листок с адресом мастерской. Алексей придвинул обе записи к себе.

Глава 3. Распоряжение клиента

15 октября 2026 года. Реченск

Отец ответил после второго гудка.

— Ты посмотрел? Там вроде восьмёрка.

Илья держал перед собой маршрутный лист. Он прижал пальцем строку с завтрашней датой.

— Пап, ты дома?

— Дома. Кран разобрал, теперь собрать надо. В магазине сказали, лучше старую принести.

— Послушай меня. Ты просил бюро отправить мне твоё письмо?

Отец ничего не ответил. Потом в трубке негромко стукнул металл.

— Какое письмо у тебя?

— На завтра назначена выдача. От тебя. Мне. Здесь написано: досрочно, по твоему распоряжению.

— Ничего я не распоряжался.

— Вчера сюда не звонил? Не писал?

— Нет.

Послышались шаги; голос отца вернулся громче.

— Дай мне Марину.

— Подожди. Это вообще твой заказ? Ты оставлял письмо?

— Оставлял.

Максим поднял голову. Илья отвернулся к окну.

— Я вижу твою подпись на последней странице. С чертой сверху.

— Я подписывал, когда сдавал. Что у тебя за страница, не знаю. Но отправлять я не просил.

Отец говорил медленно, отделяя каждое предложение. Так он разговаривал с незнакомыми мастерами по телефону, если те предлагали приехать и «на месте посмотреть». Обычно Илья в таких разговорах старался куда-нибудь выйти.

— Мы задержали отправку, — сказал он. — Пока ничего не уйдёт.

— И правильно. Не надо тебе это сейчас читать.

— Почему?

— Я сам с тобой поговорю.

— О чём?

— Когда придёшь. Ты же собирался вечером.

Марина подвинула к себе телефон на столе, будто отец мог перейти в него. Илья прижал свой плотнее к уху.

— Пап, сегодня умерла Галина Потапова.

— Что?

— Галина Викторовна. Её племяннику вчера тоже выдали письмо. Она ему сказала, что не разрешала. Сегодня он пришёл к нам.

Отец не отвечал. Илья посмотрел на часы над дверью. Без четверти четыре.

— Я утром у неё был, — сказал отец.

— У Галины?

— Да. С ней всё было нормально. Ну, мы поговорили. Она ведь сегодня собиралась… Кто тебе сказал?

— Племянник. Он сам ездил. О чём вы с ней говорили?

— Не по телефону, Илья. Приедешь — поговорим.

— Мне надо понять, кто отправил письма. Твоё, её. Больше ты ничего не разрешал? Ни передавать, ни забирать от твоего имени?

— Нет, Илья. Я сказал: ничего. Что ты мне всё это…

Отец оборвал себя. В трубке долго было слышно только его дыхание.

— Он сейчас у вас? Племянник?

— Да. Ему к следователю надо. Я потом перезвоню. Телефон не убирай, пожалуйста.

— Я дома буду.

Илья отключился и только тогда заметил, что всё ещё держит палец на завтрашней дате.

— Алексей говорит, что не разрешал, — сказал он.

Марина протянула руку за листом. Он отдал его, оставив пробный экземпляр на столе перед собой. Ниже отцовской подписи белело пустое поле.

— Он сам объяснит, — сказала Марина. — Я с ним поговорю.

Максим встал.

— Мне пора. То, что вы обещали, дадите?

Илья вернулся к монитору. На недописанном листе стояли номер заказа Потаповой и дата вручения. Он добавил: подтверждение досрочной выдачи на момент проверки не найдено.

Принтер захватил лист с неровным треском. Ирина придержала выдвинувшийся лоток, чтобы бумага не упала, и положила распечатку перед ним. Илья написал своё имя, должность, поставил время и подпись.

— Это я проверил в карточке. Про вчерашний разговор с тётей расскажете сами. И про сегодняшний звонок.

Максим прочёл строку о подтверждении.

— Здесь только про выдачу.

— Да.

— А что она сегодня мне сказала?

— Слышал. Я тоже это запишу. Но вы расскажите, как было у вас.

Он говорил, глядя на Максима. Ирина стояла у принтера и не вмешивалась.

— Вы к нему придёте? — спросил Максим.

Илья хотел ответить, что ему нужно сначала проверить ещё один заказ. Во рту уже сложилось привычное: мы с вами свяжемся.

— Приду.

Максим забрал распечатку и своё письмо, вложил одно в другое. Илья подвинул ему чистый конверт, но тот покачал головой. Сложенный вдвое фирменный пакет он сунул под куртку.

В приёмной Максим задержался, вызывая машину. Илья вернулся к отцовскому заказу.

Ирина уже раскрыла на планшете его карточку. Та же отметка, что у Потаповой. Рядом — её фамилия как сотрудника, подготовившего выдачу. В поле основания стоял звонок клиента.

— С какого номера? — спросил Илья.

— Отдельно сюда не внесён. Я проверяю обращения.

— И заявления нет?

— В карточке нет.

Марина наклонилась над планшетом.

— В бумагах смотрела?

— Ещё нет. Нужно поднять приёмную папку.

— Тогда поднимем.

Ирина ушла к шкафам. Илья открыл условия отцовского заказа: один адресат, его имя, посмертное вручение. Для досрочной передачи требовалось отдельное подтверждение. Он дошёл до перечня документов. Подтверждения не было.

В дверях приёмной появился Максим. Сквозь стекло за его плечом мигнула аварийная сигнализация машины.

— Я скажу, что вы придёте, — произнёс он.

— Скажите.

Максим уже взялся за ручку, но снова посмотрел на него.

— Вы отца предупредили?

— Что готовили письмо? Да.

— Я про Галину Викторовну.

— Сказал.

Больше Максим ничего не спросил. Дверь за ним закрылась, машина отъехала сразу. Часы над дверью показывали без десяти четыре.

Марина перенесла маршрутный лист к себе в кабинет. Он пошёл за ней.

У неё было открыто окно. На подоконнике стояли папки, которые она разбирала с утра; от холодного воздуха шевелилась узкая полоска бумаги, торчавшая из верхней. Марина закрыла створку, сняла пальто с кресла и повесила на спинку стула.

— Садись.

Илья остался у двери.

— У Серова тоже досрочная выдача, — сказал он. — Пакет ушёл двенадцатого. О смерти сообщили тринадцатого.

— Ты уже проверил, когда он умер?

— Нет. С дочерью надо говорить.

— Вот именно.

Марина не села сама. Она подвинула папки на подоконнике, освобождая место для маршрутного листа, и положила его поверх остальных бумаг.

— По Потаповой есть вопрос. По Алексею есть вопрос. Но у Серова могло быть совсем другое.

— Могло. Поэтому я хочу передать даты. Чтобы проверили.

— Кто?

Илья посмотрел на неё. Марина отвела глаза к двери.

— Прежде чем мы начнём сообщать полиции о клиентах, давай найдём бумаги. Час. Мне нужен час, чтобы понять, что у нас произошло. Я позвоню Алексею, Ирина поднимет обращения, я проверю выдачу Серова. Потом решим, что передавать.

— Максим уже там будет.

— Максим имеет право распоряжаться полученным письмом. Пусть показывает его кому считает нужным. Ты отвечаешь за то, что хранится у нас.

В коридоре Ирина открыла шкаф. Деревянная створка дважды ударила о соседнюю, потом стало тихо.

— Что из карточки Серова ты собираешься ему сказать? — спросила Марина.

— Номер. Кто отправитель, кто получил. Когда вручено. Какое стоит основание.

— И что у него вообще был здесь заказ. Дочь могла знать. Остальные — нет.

На столе у Марины лежала брошюра бюро, раскрытая на фотографии его же кабинета. Илья стоял на снимке спиной к окну, склонившись над пустым листом. Фотограф попросил убрать настоящие бумаги и несколько раз поменять положение ручки. Под снимком напечатали: «Чужое последнее слово остаётся чужим».

— Я не понесу текст Серова, — сказал Илья.

— Ты думаешь, что тайна начинается только со строчки «дорогая Вера»?

— Мой отец получил бы такое же письмо завтра, — сказал он.

— И он жив. Мы с ним поговорим.

— Сейчас он жив.

Марина положила обе ладони на спинку стула.

— Не надо, Илья. Ты ещё не установил, что здесь есть такой порядок.

Он отвёл взгляд. Отец мог вечером отчитать его за напрасный испуг. От этой возможности Илья не отказался бы ни за что.

— Я передам и то, чего не знаю, — сказал он.

— Они прочтут твою фамилию и увидят, зачем ты пришёл.

Марина отпустила стул, пододвинула к нему брошюру и закрыла её.

— Ты защищаешь отца. Я понимаю. Только не делай вид, будто это вся наша проверка.

— Я скажу, как это объяснила Ирина. И что Максим ответил, — произнёс он. — От себя я не добавлю, что Галина к тому времени уже умерла. Мы этого не знаем.

Марина некоторое время смотрела на него, затем убрала брошюру в ящик.

— Я не согласовала передачу архивных сведений. Имей в виду.

Он кивнул.

— Имя моё там будет.

Вернувшись к себе, Илья открыл три карточки. Печатать целые страницы он не стал: там были адреса, телефоны родственников, примечания о том, как представиться при вручении. Для Крылова он выписал имена отправителей, номера заказов, сроки и основания. Рядом с каждой строкой отметил источник. Под Серовым добавил: точная дата смерти и состояние автора в момент вручения не проверены.

Ирина принесла две папки. В одной лежали обращения за прошлую неделю, в другой — за текущую. Она положила их на свободный край стола.

— По Алексею Сергеевичу бумаги пока не нашла, — сказала она. — В выдачах стоит моя отметка. Это я провела.

Илья убрал ладонь с клавиатуры.

— Ты с ним сама говорила?

— Сейчас не могу подтвердить. Я проверю, откуда это пришло.

Её взгляд задержался на листе с тремя фамилиями. Она подтянула к себе папки, освобождая для него место.

— Не меняй прежние отметки, — сказал Илья. — Отправку мы задержали, это отдельно. Пусть останется, что там было до этого.

— Я и не собиралась.

Марина вышла из кабинета.

— Ирина, даже если найдёшь подтверждения, без меня ничего не выдавай. Служебные дела этих трёх выдач пока будут у меня. Идём, заберу.

Она дождалась Ирину у архивной двери. Когда они вернулись, Марина несла три закрытые папки. Илья видел из-за стола, как она убрала их в шкаф своего кабинета и заперла.

— И архивный ключ мне, — сказала она Ирине. — Пока со всеми этими заказами работаем вместе.

Ирина сняла ключ со связки и положила перед ней.

Он подписал лист, убрал его в чистую папку, а пробный отцовский экземпляр оставил на столе. Взять его оказалось бы проще. Крылов увидел бы подпись, вместо пересказа получил бы письмо. Но Илья сам ещё не прочёл его целиком; выносить отцовские страницы, пока хватало номера заказа и слов отца, что он такого не просил, он не стал.

Илья убрал пробный экземпляр в ящик, запер его и положил ключ в карман. Ирина смотрела, как он надевает куртку.

— Ты к отцу?

— Сначала к Крылову.

Она придержала ему дверь. Он вышел на крыльцо и на несколько секунд остановился под навесом. После тёплой приёмной было холодно; машин у края дороги не осталось. Он достал телефон и вызвал такси.

* * *

В половине пятого Илья сидел у двери кабинета Крылова. Рядом на скамье осталось влажное пятно от куртки Максима. Тот вышел несколько минут назад и задержался, увидев Илью в коридоре.

— Письмо оставили? — спросил Илья.

Максим показал пустые руки.

— Сам отдал. Там и про меня есть. Не только про бумажки.

Илья хотел спросить, как прошёл разговор, но Максим уже отступил к лестнице.

— Он вас позовёт. Сказал, подождать.

Теперь в коридоре остался только человек у дальнего окна. Он стоял спиной к Илье и по телефону договаривался, чтобы кто-нибудь забрал ребёнка из школы. Дважды сказал, что не знает, сколько ещё пробудет.

Илья держал папку на коленях. На верхнем листе первым стоял заказ Потаповой, ниже Серова, затем отцовский. Он перевернул листы чистым оборотом вверх.

Дверь открылась.

— Корнеев? Заходите.

Крылов остался стоять у стола. На свободном стуле лежала куртка; он убрал её и указал Илье на место. Белый пакет «Адресата» стоял сбоку от монитора, уже без письма. Края кармашка отстали окончательно.

— Максим сказал, у вас возникли вопросы к выдаче, — начал Крылов. — Что можете подтвердить сами?

Илья положил папку на стол.

— В карточке заказ Потаповой проведён как досрочный, по распоряжению клиента. Письмо вручено вчера в девять семнадцать. Подтверждение распоряжения мы не нашли. Его вчерашний разговор с тётей я знаю от него.

Крылов придвинул лист к себе.

— Здесь ваше время проверки?

— Да. Когда я посмотрел запись.

— Хорошо.

Он не стал переспрашивать Максима через Илью. Обвёл номер заказа и указал ручкой на следующую строку.

— Серов?

— Другой клиент. Тоже досрочная выдача. Двенадцатого октября. Тринадцатого дочь просила передать рукописный оригинал. Я разговаривал с ней, потом передал обращение коллеге. О смерти узнал к вечеру. Когда он умер на самом деле и что знала дочь, я ещё не проверял.

— Вы с ней после этого связывались?

— Нет.

Крылов записал фамилию Веры. Илья смотрел на движение ручки: из аккуратной напечатанной карточки имя перешло на лист, которого в бюро никогда не будет. Он мог попросить ещё минуту, объяснить про частные заказы. Крылов уже читал дальше.

— А это ваш отец?

— Да. На завтра приготовили выдачу мне. Он жив. Я разговаривал с ним из бюро, примерно в три сорок пять. Говорит, не разрешал.

— Он знает, что письмо было у вас в руках?

— Знает. Сам заказ подтвердил. Говорит, когда сдавал, подписывал. Но выдать письмо досрочно не просил.

— Вы получили письмо как адресат или нашли его при проверке?

— При проверке очереди. Я редактор. Это разные вещи: пакет ещё не был вручен.

Крылов поднял на него глаза.

— Понимаю. Сейчас он где?

— Дома.

Крылов записал номер со слов Ильи и попросил полное имя. Илья назвал. Вчера у него бы не возникло причины произнести здесь «Алексей Сергеевич».

— Вы проверяли, кто проводил эти выдачи?

— Оператор. Ирина Савельева. По отцовскому заказу она сама сказала, что отметка её. В карточке тоже она. Подготовка вообще у неё, так что одна фамилия там ещё ничего не объясняет.

— Мне нужны её действия, — сказал Крылов. — Что именно известно о каждом заказе.

— Пока только записи. И что заявление отца и подтверждение Потаповой не нашли. В бюро ещё смотрят бумаги.

Крылов положил рядом два листа.

— Про сегодняшний звонок Савельевой вы слышали от Потапова в её присутствии?

— Да. Она признала, что звонила ему. Сказала, что после двенадцати разговаривала с Галиной Викторовной, а потом передала Максиму: та уехала, до вечера её не будет. Он ответил, что тётю нашли дома.

— Чьё время «после двенадцати»?

— Савельевой. Она так сказала. Минута мне неизвестна.

— А звонок, которым объясняют досрочную выдачу Потаповой?

— Там другой. Раньше. Она сказала о вечернем звонке перед подготовкой. Теперь ищет, откуда он поступил. Это не сегодняшний разговор.

Крылов коротко кивнул и дописал строку. Илья отодвинул папку, чтобы ему было удобнее.

— Я не утверждаю, что она не говорила с Галиной, — сказал он. — Она могла ещё не уехать. Могла передумать. Но…

— Сам разговор проверим. Что ещё?

Илья посмотрел на свой лист. Отец там стоял третьим, после двух людей, о смерти которых уже сообщили. У его имени не было ни времени разговора с Галиной, ни адреса её квартиры. Он принёс только историю письма.

— Отец сегодня был у Потаповой, — сказал он. — Утром. Он мне сам сейчас сказал.

Крылов положил ручку.

— В какое время?

— Я не спросил. Сказал — утром. Я ему сообщил о смерти, и он ответил, что был у неё. Они разговаривали. О чём, не объяснил.

— Он предложил к нему приехать?

— Я сам собирался вечером. Это ещё с утра. Он спросил про кран, там прокладку поменять надо.

Илья замолчал. Про кран можно было не добавлять. На столе лежали сведения о двух умерших людях, а он принёс сюда кусок отцовской кухни с открытым шкафчиком и полотенцем под трубой.

— Я с ним свяжусь, — сказал Крылов.

— Сейчас?

— Сегодня. Он не говорил, что собирается уходить?

— Сказал, будет дома. Я попросил телефон держать рядом.

Крылов снова взял ручку.

— По вашим записям нужно будет проверить источники. Кто сейчас в бюро?

Илья назвал Марину и Ирину. Свой служебный телефон он помнил наизусть, но всё равно открыл контакты. Прочёл номер с экрана, пока Крылов записывал.

— Бумаги, которые относятся к этим выдачам, где хранятся?

— Карточки — у нас. Подтверждения ищут в папках обращений. Оригиналы писем и утверждённые тексты отдельно, в архивных пакетах. Я их не открывал. Служебные дела этих трёх выдач Марина убрала в свой шкаф, архивный ключ тоже у неё.

— И не надо пока. Сначала разберёмся, что уже подготовлено и что кому передали. Распоряжения вашего отца о выдаче, с его слов, не было. Его слова я у него и уточню.

Крылов перевернул второй лист. На обороте Илья оставил свою подпись и время.

— Это можно у вас оставить?

Илья взялся за край бумаги. Так он придерживал клиентскую рукопись, когда её случайно накрывали чужой папкой. На лицевой стороне стояли фамилии, которые он сам выписал из закрытых заказов. Марина просила час. Он ещё не прошёл.

— Да, — сказал он и отпустил.

Крылов придвинул к себе телефон, набрал служебный номер бюро и дождался ответа.

— Марина Павловна Белова? Антон Крылов. У меня сейчас ваш сотрудник Илья Корнеев. Нужно уточнить сведения по трём выдачам.

Илья смотрел на оставленный лист. Крылов слушал. Его ладонь всё ещё лежала на краю листа.

— И с Ириной Савельевой тоже, — сказал он. — Да, сегодня.

Глава 4. То, что уже сделали

15 октября 2026 года. Реченск

У выхода Илья остановился, чтобы написать отцу: «Скоро приеду». Не успел отправить. Его окликнул Крылов.

— Ещё одно. При вас Савельева объясняла, как разговаривала с Потаповой после двенадцати? Кто кому звонил?

Илья убрал большой палец с экрана.

— Нет. Только сказала, что говорила.

— Она сейчас по телефону уточнила: привезла Галине Викторовне пакет, ушла, а потом Галина Викторовна сама позвонила ей на мобильный. В начале первого. Этого уточнения при вас не было?

— Не было. А что за пакет?

— Говорит, возвращала бумаги из вашего бюро.

— О возврате я не знал, — сказал он.

— Хорошо. Если вспомните точную формулировку прежнего объяснения, сообщите. Сейчас я записал: способ связи при вас не называла.

Крылов вернулся к лестнице. Илья отправил отцу сообщение и вышел на улицу. На противоположной стороне дороги женщина придерживала дверь магазина ногой, пытаясь вытащить коляску. Из пакета на ручке выкатилось яблоко. Илья перешёл дорогу, поднял его и отдал. Она сказала спасибо, продолжая смотреть на переднее колесо.

Он отошёл от входа и нашёл номер Веры Серовой.

— Я из «Адресата». Илья Корнеев. Вы звонили нам во вторник насчёт рукописного оригинала отцовского письма. Я с вами разговаривал.

На другом конце стало тише; будто Вера прикрыла дверь.

— Помню.

— Я проверяю, как вам выдали письмо. Подтверждение досрочной отправки пока не нашли. Можно я задам несколько вопросов?

— Теперь?

— Да.

— У вас там три дня его ищут?

Илья стоял под водосточной трубой. Капли падали на левый рукав. Он сделал шаг в сторону.

— Во вторник я передал ваше обращение оператору. Сам заказ вёл другой редактор. Но разговаривал с вами я.

— С Корнеевым Алексеем вы в родстве?

— Это мой отец.

Он ждал вопроса, откуда фамилия в её письме, но Вера спросила другое:

— Тетрадь всё ещё у него?

Илья прижал телефон к уху.

— Какая тетрадь?

— Отцовская. Которую я отнесла. Я потому и спрашиваю, что он ваш отец.

За спиной Ильи закрылась магазинная дверь. Замок щёлкнул дважды: женщина с коляской не удержала её, и створка отскочила от доводчика.

— Вы отдали ему тетрадь по просьбе в письме?

— Там было написано, что надо отнести сразу. Я отнесла.

— Двенадцатого?

— В понедельник. Письмо привезли утром. Сказали, папа решил передать при жизни. Я спросила, так можно? Мне сказали, конечно можно, он сам распорядился. Я не думала, что должна это перепроверять.

— А потом вы с ним говорили?

— После.

Слово прозвучало отчётливо, без паузы.

— Сначала отнесли тетрадь, потом позвонили?

— Да. Она лежала у меня, в папке с его бумагами. Я всё равно выходила. До вашего отца десять минут. Он спустился во двор, я отдала и пошла дальше. А папе набрала уже от остановки.

Илья хотел спросить, почему не позвонила раньше, и вовремя удержался. Он сам сегодня позвонил отцу лишь тогда, когда нашёл его фамилию в очереди. Письмо Потаповой к этому времени уже лежало перед ним.

— Виктор Петрович подтвердил просьбу?

— Нет. Он сказал: я тебе ничего не посылал. Я ему объясняю — из бюро, в вашем пакете, с подписью. Он спрашивает, где тетрадь. Я говорю, отдала. Он сначала решил, что я шучу.

У Веры коротко зазвонил другой телефон. Она не ответила.

— Я ему прочитала. Говорю: тут ты сам пишешь, что надо. Он попросил больше никуда ничего не носить. Сказал, будет звонить вам.

— Значит, двенадцатого, после вручения и передачи тетради, он был жив. Вы с ним разговаривали сами.

— Сама. С папой. Он сидел дома, собирался по делам. Вы об этом спрашиваете?

— Да.

Она помолчала.

— Вы думаете, я ему не позвонила совсем?

— Нет.

— Просто не сразу. У меня с утра было столько всего. Я решила: сейчас отнесу и потом спокойно поговорю. Это же не чужому человеку. Они знакомы. Ваш отец меня маленькой видел.

Илья посмотрел на сообщение отцу. Под ним уже появилась отметка прочтения.

— Во вторник вы хотели получить рукопись, чтобы сравнить с доставленным текстом? — спросил он.

— Хотела увидеть, что там папиной рукой написано. Это я вам и сказала.

Он помнил, как после звонка вернулся к ожидавшему посетителю. Имя на экране перестало быть голосом почти сразу: чужой заказ, вопрос оператору, следующий человек у стола.

— Ваше обращение осталось без ответа?

— Оригинал я не получила.

— Упаковка и само письмо у вас?

— Всё у меня. Я ничего не выбросила.

— Вы разрешите приехать завтра? Посмотрим только то, что вы готовы показать. Мне нужно проверить выдачу. И понять, что именно просили передать моему отцу.

— Попросите у него.

— Попросить собираюсь. Но письмо получили вы.

Вера назвала адрес и сказала, что будет дома к десяти. Илья записал в телефон и уточнил подъезд.

— Я спрошу, — сказала Вера, — а вы опять передадите кому-нибудь?

— Я сам приеду.

Она отключилась. Илья сохранил запись встречи. Потом добавил отдельную строку: «12-го — передала тетрадь, затем говорила с отцом». Три дня назад это уже случилось. Теперь мало было найти подтверждение или остановить курьера.

* * *

Максим оказался у себя на работе. Илья позвонил ему из машины; они договорились поговорить у проходной. За стеклом будки охраны горела лампа, и в её свете мокрый асфальт казался белым. Максим вышел без куртки, в сером рабочем свитере. На запястье осталась резинка от пропуска.

— Я ненадолго, — сказал он. — У меня тут вещи, сменщик ждёт. Завтра уже не выйду.

Илья подвинулся под козырьком. Водитель такси уехал; к отцу отсюда можно было дойти пешком.

— Тётя объяснила вчера, зачем в письме просили забрать бумаги у Корнеева?

— Она сказала, не просила. Вы же слышали.

— Я хочу понять, что вы после этого сделали.

— Ничего. В этом и дело. Остался на работе. Вечером домой пошёл. Хотите, чтобы я вам и это подтвердил?

Максим протянул руку в сторону будки. Охранник поднял голову от экрана, но не вышел.

— Я не проверяю, послушались ли вы письма, — сказал Илья.

— А звучит так.

Он отвернулся к стеклянной двери и дёрнул ворот свитера. За дверью прошла женщина с сумкой; Максим придержал ей створку. Женщина остановилась, хотела что-то сказать, потом только коснулась его локтя.

Когда она отошла, Максим достал телефон.

— Это сегодняшнее. Крылову уже показал.

На экране было сообщение от «Тёти Гали» с фотографией. Клеёнка на кухонном столе, чашка у верхнего края. Раскрытый белый пакет лежал клапаном к чашке. По обе стороны от него — рукописные страницы и печатные листы. Один лист перекрывал другой; из-под уголка выглядывали дата и подпись. На пакете темнел прямоугольник архивной этикетки «Адресата».

— Она это сегодня получила? — спросил Илья.

— Возвращали. Она вчера у вас всё потребовала. Вот: «Вернули, можешь не заходить, я сама отнесу». — Максим коснулся строки под изображением. — Я не обрезал. Так прислала.

— Кому отнесёт?

— Крылову. У неё было на два часа. Сама договорилась, ещё вчера. Я собирался с работы выскочить, довезти её, но она сказала, сама дойдёт. Там близко.

Илья приблизил фотографию. В кадр попал край конверта с номером заказа; цифры совпадали с теми, которые он несколько раз сегодня переписал. Рукопись закрывала верхнюю часть печатного листа. Нижнюю было видно целиком. Он узнал поля контрольного экземпляра. Такой лист автор проверял перед хранением.

— Можно переслать мне это сообщение?

Максим посмотрел на него поверх телефона.

— А вы опять скажете, что подтверждения нет?

— Здесь видно, что ей вернули. Я хочу это сохранить.

— Крылов сохранил уже.

— Хорошо.

Илья вернул телефон, не настаивая. Максим ещё несколько секунд смотрел на фотографию. Потом открыл журнал звонков.

— Я после этого ей набрал. Без двенадцати двенадцать. Одиннадцать сорок восемь. Видите?

Илья увидел исходящий вызов. Фамилия в контакте была та же, что над фотографией.

— Что она сказала?

— Что всё получила. Что в два пойдёт, как договаривалась. Я спросил, со мной не хочет? Нет, говорит, потом расскажу. Не надо тебе с работы бегать.

— Вы точно с ней говорили?

Максим опустил телефон.

— Она ещё велела мне обед доесть. Я ей сказал, в машине сижу. Она услышала, что я жую. Вот такой у нас был разговор. Доесть обед и не бегать с работы.

В будке охраны зазвонил аппарат. Охранник придвинул к себе журнал и стал записывать номер, прижимая трубку плечом.

— А через двадцать минут звонят из вашего бюро, — продолжил Максим. — Двенадцать ноль восемь. Что она уехала и до вечера её не будет. Не знаю, почему через них. Если планы поменялись, она мне сама всегда звонила.

— Савельева сказала, что тётя попросила передать?

— Да. Уехала, до вечера не будет. Всё.

— В бюро она сейчас уточнила, — сказал Илья, — что Галина Викторовна сама позвонила ей на мобильный после двенадцати. Уже когда Савельева ушла. Мне это Крылов передал, спрашивал, называла ли она при нас способ связи.

— А в одиннадцать сорок восемь тётя никуда не собиралась.

— Она могла передумать.

Максим посмотрел на него, и Илья пожалел, что первым сказал именно это.

— Может быть, — ответил Максим. — Я ведь ей потому и набрал. Сразу после этой вашей. Потом ещё раз. А потом попросил Нину Петровну зайти. Я не следователь. Мне надо было тётю услышать.

За стеклом ему помахали. Максим поднял ладонь: сейчас.

— Вы правда к отцу идёте?

— Да.

— Не уговаривайте его ничего мне объяснять. Пусть Крылову. Я тоже ему всё рассказал.

Илья кивнул и отошёл из-под козырька. Дождь почти прекратился. Он дошёл до ворот, когда завибрировал телефон. От Максима пришло пересланное сообщение с фотографией и следом: «Это её стол. Чашка моя, я у неё всегда из неё пил».

Илья написал «Спасибо» и убрал телефон. До дома отца было три квартала. Улица шла вверх от старых складов, мимо шиномонтажа и низких домов, ещё не закрывшихся за новыми заборами. Вера успела отнести тетрадь за десять минут. И он дошёл бы за десять, да у перехода зажёгся красный.

* * *

Отец открыл сразу. На рубашке у него темнело мокрое пятно, рукав был закатан выше локтя.

— Долго ты.

— Крылов тебе звонил?

— Звонил. Про Галину спрашивал. Я всё сказал, что помню.

Илья снял ботинки. В прихожей осталось свободное место там, где прежде стояла его велосипедная рама: отец хранил её до прошлого года, всё собирался отдать знакомому. Крючок для шлема так и торчал над плинтусом.

На кухонном столе лежали детали крана. Под ними отец расстелил старое полотенце, с которого Илья в детстве обдирал жёсткие петли. Рядом стояла чашка, прикрытая блюдцем. У дальней стены, под хлебницей, — плотная серая папка.

— Есть будешь?

— Потом. Пап, Вера передала тебе тетрадь Серова.

Отец убрал с полотенца маленькую металлическую шайбу и положил в чашку.

— Передала.

— По просьбе из письма. Он ей этого письма не отправлял.

— Я теперь понимаю.

— А в понедельник?

— В понедельник она позвонила в домофон. Сказала, Виктор просил передать. Я вышел, забрал. Он давно хотел мне кое-что показать.

— Ты сам просил принести тетрадь?

— Нет. Ни её, ни его не просил.

— Она отнесла её, а потом набрала отца. Он был дома. Сказал, что никакого распоряжения не давал.

Алексей вытер руки о полотенце, выбрав сухой край. Сдвинул хлебницу и достал папку.

Тетрадь была в коричневом переплёте с чёрным корешком. От долгого хранения углы округлились, у верхнего края белел надрыв. На наклейке читалось: «Серов В. П. 2011».

— Вот, — сказал он.

Илья отодвинул чашку, освобождая место. Отец положил тетрадь на стол закрытой.

— Это рабочая. Со станции. Не дневник, — добавил он.

— Со спасательной?

— С какой же ещё. Виктор там техником был. Во время паводка записывал вызовы, кто выехал, кто вернулся. Всё подряд, по ходу дела. Там и расходы рядом могут быть, и чей-нибудь телефон.

Тетрадь до этого разговора могла оказаться любой: личной, денежной, с адресами. Теперь на обложке лежала весна, которую в их доме много лет называли просто «тогда».

— С ней ты сегодня к Галине ходил?

— Да.

— Зачем?

— Сравнить с её записями. Она в школьном пункте была, медсестрой. У неё отмечено, кого привезли, откуда, когда. Хотел посмотреть несколько мест.

Илья сел. Отец остался стоять, опираясь о край стола.

— Что за места?

— Время. Кого в какой рейс привезли. Вызовы у Виктора записаны, а люди уже у Галины. Это не всегда один и тот же час.

— Ты нашёл, что искал?

Алексей провёл пальцем по чёрному корешку.

— Не всё сошлось.

— С чем?

— С отчётом после паводка.

Илья подождал.

— Ты его писал?

— Свою часть. Там моя подпись стоит.

Из раковины донёсся редкий стук. Под носиком, который отец ещё не снял, стояла пустая консервная банка. В неё набиралась вода.

— Что не сошлось, пап?

— Порядок. Одно раньше другого записано. По тетради получается одно, по отчёту иначе.

— Ошиблись в отчёте?

Отец отвёл руку от тетради.

— Я не хочу сейчас называть это ошибкой.

— А как хочешь?

— Пока никак.

Илья смотрел на него. Он готовился к разговору о чужом письме и забранной бумаге. Отец уже стоял у раковины и поправлял банку, хотя она и так попадала под капли.

— Ты же знал, как было. Ты там работал.

— Знал.

— Тогда почему подпись поставил?

Алексей вернулся к столу.

— Я тебе сказал, что записи расходятся. Остальное сейчас не стану. Я не хочу, чтобы ты потом объяснял за меня, что я имел в виду. Спросят — отвечу сам.

— Крылову ты это сказал?

— Мы пока о сегодняшнем утре говорили. Я сказал, что сверял с Галиной старые бумаги. Что тетрадь у меня, тоже сказал.

Илья достал телефон и открыл присланную Максимом фотографию. Отец наклонился ближе, взял очки с подоконника.

— Это уже после тебя разложили?

— При мне пакета не было.

— Во сколько ты ушёл?

— Пришёл около половины одиннадцатого. Недолго сидел, минут двадцать. Перед одиннадцатью уже вышел. Я не засекал.

— В одиннадцать сорок восемь Максим с ней разговаривал. Сама сказала, что бумаги вернули и она идёт к Крылову на два часа.

Отец снял очки.

— Значит, после меня.

— Да.

Алексей положил очки рядом с тетрадью, дужкой в раскрытый сгиб папки.

— Она мне сказала, что собирается. К нему. Я ей сказал, пусть идёт.

— Чего ты от неё хотел, кроме сверки?

— Чтобы она объяснила свои отметки. Не только показала. Часть людей без фамилий записана. Она сама их тогда принимала, могла помнить.

— Она тебе объяснила?

— Кое-что. Потом сказала: всё вместе покажем. У неё свои бумаги были, не из вашего бюро. Эти она никому отдавать не собиралась.

Отец подтянул папку к себе. Илья положил ладонь на край тетради.

— Давай я заберу.

Алексей накрыл переплёт рукой.

— Нет.

Илья не потянул сильнее, но руку не убрал.

— Её по письму велели отдать тебе. Вчера Максима просили забрать у тебя бумаги. Завтра мне тоже собирались что-то вручить. Надо понять, что с чем связано.

— Для этого ты отнесёшь её туда же, откуда присылают письма без разрешения?

— Крылову.

— Крылову я сам отдам. Тебе — нет. Виктор мне её не дарил. Я её получил не так, как думал. Теперь ещё один человек под мышкой унесёт?

— Я не курьер, пап.

— Я знаю.

Они оба держали закрытую тетрадь. Илья чувствовал под пальцами тёплый, чуть шероховатый переплёт. Стоило потянуть, и отец либо отпустил бы, либо пришлось бы вырывать. Он убрал руку.

— Ты её никуда не понесёшь? И никому из бюро не отдашь?

— Не понесу. Если нужна следователю, пусть скажет мне прямо.

— Скажи ему сам, что она здесь. Не про бумаги вообще. Рабочая тетрадь Виктора Петровича Серова за две тысячи одиннадцатый год.

Отец отодвинул чашку. Встал из-за стола, принёс телефон из комнаты и нашёл недавний входящий.

— Этот номер? — спросил он.

Илья сверил последние цифры с номером Крылова.

— Этот.

Алексей набрал сообщение. Печатал одним пальцем, то и дело возвращаясь, чтобы исправить букву. Потом развернул экран к сыну: «Тетрадь Виктора Серова за 2011 год у меня дома. Сегодня брал её к Потаповой. Готов передать лично. Алексей Корнеев».

— Так?

— Да.

Отец отправил сообщение, положил телефон на стол и только после этого убрал тетрадь в папку. Илье её не дал.

Глава 5. Чужой голос в трубке

17 апреля 2011 года. Реченск

Мокрый листок прилип к тетрадной странице. Алексей отделил его за сухой угол и положил на край стола. На обороте расплылась последняя цифра в номере Седовой, но Серов уже перенёс номер к себе.

— Вот здесь, — сказал Виктор и показал карандашом. — Перепроверь.

Алексей сверил запись с телефоном. Всё верно. Рядом с фамилией стояло время первого звонка, ниже теснились слова: «одна», «нога», «с реки». Дорожку за школой Борис уже перечеркнул на стенном плане. С этим закончили. Теперь нужно было выйти к воде, а телефон всё звонил.

Ирина слушала кого-то, прижав трубку к левому уху. Правой рукой она держала на столе городской справочник, не давая ему захлопнуться. Телефонный шнур лёг поперёк второй записи.

— Это нам? — спросил Алексей.

Она покачала головой и продолжила в трубку:

— Да, в школе. К воротам подойдите, вас встретят. Я же сказала: у школы, не здесь.

На часах было десять минут шестого. В комнате разом разговаривали трое, и Алексей перестал различать, к кому относится короткое «сейчас». Борис ногой сдвинул стул в просвет между столом и шкафом. Алексей протиснулся мимо.

— По вторым есть что-нибудь? — спросил Алексей у Серова.

— Ждём связи. Они ещё людей с верхнего конца подбирают.

— Скажи им, что у нас два адреса. У Седовой подход только с воды. Если они раньше освободятся, пусть дадут знать сразу.

— Я сказал уже.

Виктор наклонился к служебному телефону у окна; по этой линии разговаривали с экипажами и штабом. Борис, стоявший за его спиной, поднял связку ключей с сиденья и повесил на крючок. Потом достал из внутреннего кармана очки и присел над планом.

Алексей ткнул пальцем во второй листок.

— По этой мастерской кто сейчас отвечает?

— Никто пока, — ответил Серов. — Мужчина, который видел дверь, там не живёт. Сказал, мимо шёл. Перезвонил ему — занят.

— Внутрь он заглядывал?

— Не заглядывал. Я написал, что дверь открывали. Больше ничего не написал.

Ирина положила трубку на аппарат. Календарь под её локтем сдвинулся, из-под него выпали два мелких чека. Она сгребла их в ящик и сразу достала телефон из кармана кофты. Он светился без звука.

— Да?

Алексей подождал, когда она закончит. Борис потянулся за линейкой, зажатой между стеной и планом.

— Тебя плохо слышно, — сказала Ирина и отошла к окну. — Ты где?

Она оказалась у самого плеча Серова. Тот прикрыл свободное ухо пальцем, пытаясь услышать свой аппарат. Ирина шагнула дальше, к двери, но там стояла сумка Бориса, и ей пришлось переступить через неё.

— Подожди. Ты утром что говорил?

Борис посмотрел на Алексея поверх очков, потом снова наклонился к плану. Он чертил на свободном клочке бумаги узкую полоску берега, старательно выводя два выступа. Серов что-то коротко ответил в свою трубку. У него наконец перестал мигать красный огонёк.

— Сколько вас осталось? — спросил он. — Ясно. А после них?

Из-за открытой двери донеслось Иринино:

— Я поняла. Не отключайся.

Алексей взял свою сумку и вынес на крыльцо. Сырой воздух сразу остудил лицо. От ограды к ним шли двое мужчин с мешком между ними. За мешок держалась женщина в вязаной шапке, в другой руке она несла красную кошачью переноску.

— Здесь оставлять? — спросил один из мужчин.

— К школе идите, там примут, — ответил Алексей.

— Нам сказали, у станции машина будет.

Он обернулся. Ирина стояла в дверях, прижав телефон к груди.

— Этих в школу, — сказала она. — Я им минуту назад объясняла.

Женщина поставила переноску на доски и попыталась вытереть нос запястьем, не выпуская мешка. Алексей подхватил мешок.

— Давайте сюда. До школы донесём.

— Там банки, — предупредила она. — Только снизу держите.

Он перехватил мешок. Стекло звякнуло о стекло. На крыльцо вышел Борис, забрал у женщины переноску и сунул ей под мышку свою свёрнутую бумагу с рисунком берега.

— Держите, пожалуйста. Сухой стороной к себе.

— Это мне куда?

— Мне потом отдадите. Сейчас дойдём.

Алексей отдал мешок второму мужчине и остался у станции. От школы их отделял двор; Галина уже открывала дверь. Борис поднял переноску повыше, чтобы показать ей, что несёт, и та махнула свободной рукой. Изнутри пронзительно мяукнули.

Ирина снова поднесла телефон к уху.

— Я здесь. Говори.

Она повернулась к окну, оставив Алексею место в дверях. На рукаве у локтя темнело мокрое пятно. Алексей вернулся к столу, ещё раз взглянул на обе записи. Возле мастерской не было ни фамилии, ни числа людей. Серов положил свою трубку и придвинул тетрадь к лампе.

— Ещё двоих забирают, потом к нам, — сказал он. — Как отчалят, сообщат.

— С пустой лодкой?

— С людьми. Отдадут здесь и будут свободны.

Алексей кивнул. До Седовой им самим идти недалеко; только бы она оставалась у окна и отвечала. Он вынул телефон и открыл последний номер. Серов показал ему на мокрый листок:

— Можно убрать?

— Под обложку положи. Там соседкин тоже был.

Виктор приподнял тетрадь. Из неё выскользнул кусок наждачной бумаги. Он стряхнул на ладонь крошки, ссыпал в урну и вложил листок обратно.

— Здесь её номер, — сказал он. — Галя ещё спрашивала, кому из соседей звонить. Только не унеси опять вместе со всем.

Алексей слушал длинные гудки. Первый раз Седова подняла трубку не сразу; он обещал ждать. У окна что-то царапнуло стекло — Ирина двигала пальцем шпингалет. Он показал ей телефон, попросил жестом тише. Она опустила руку.

— Да, — наконец сказала Ольга.

— Это опять со станции. Мы собираемся. Вы возле телефона?

— Я его теперь к себе взяла.

— Хорошо. Если ещё раз наберём, отвечайте.

— А вы уже идёте?

Серов перевернул тетрадную страницу, и Алексей придержал её ребром ладони.

— Готовим лодку.

Ольга молчала. За стеной у неё что-то загремело, потом стало тихо.

— У вас всё на месте? — спросил он.

— Да. Это снаружи. Я не смотрела.

Он услышал, как она потёрла ладонью микрофон, перекладывая аппарат.

— Мне вещи надо брать?

— Самое нужное рядом с собой держите. По остальному на месте разберёмся.

— У меня всё в сумке. Только вы не подумайте, там мало. Я её поднять не могу.

— Сумку заберём. Мы к вам собираемся.

Алексей закончил разговор и отпустил страницу. Серов по-прежнему держал ручку над строкой, ожидая, что нужно дописать.

— На связи, — сказал Алексей. — По мастерской ещё раз набери того, кто видел. Может, освободился.

На этот раз мужчине дозвонились. Серов прикрыл пальцем одно ухо и кивнул, хотя собеседник его не видел.

— Как вы подходили? Нет, к мастерской. К школе я сам найду.

Алексей подвинул ему карту. Виктор отрицательно качнул головой: не мешай.

— То есть человека вы не видели? А дверь открывалась… Да, понял. Когда это было?

Он посмотрел на часы и записал ответ, потом подержал ручку над тетрадью.

— Я спрашиваю, когда вы там были. По часам помните? Нет — так и скажите.

Разговор закончился. Серов положил трубку.

— Он уже на верхней улице. Видел со двора, что дверь двигается. Кто её открыл, не разобрал. Сам туда не совался. Минут сорок назад, говорит, может, больше.

— Номер сохрани, — сказал Алексей. — Если сами выйдут, пусть он нам сразу сообщит, когда узнает.

Виктор дописал под адресом короткую строку. От первоначальной записи он провёл к ней неровную черту; ручка перестала писать, и последний слог пришлось обвести второй раз.

Борис вернулся и вынул из кармана сложенный листок.

— Берег целый, — сказал он, разворачивая бумагу. — Кот попробовать успел.

Он протянул Алексею рисунок. Тот взял за верхний край. Возле мастерской Борис обвёл небольшой прямоугольник с двумя пристройками.

— Там с той стороны не одно помещение, — сказал он. — Кто дверь видел, пусть скажет какую. Я лет пять туда не заходил.

— Низкую открывали, — произнесла Ирина.

Оба посмотрели на неё. Она уже стояла у стола, телефон лежал в её ладони экраном вниз.

— У них нижняя дверь выходит за пристройку. Со двора её не видно. Поэтому тот мужчина и не мог сказать, кто там.

Борис передвинул бумагу к ней.

— Низкая здесь?

Она коснулась рисунка.

— Слева от этих окон. А что ты тут нарисовал?

— Сарай.

— Его нет. Там только задняя стенка осталась.

Борис стёр прямоугольник большим пальцем. Карандаш размазался по влажной бумаге.

— Значит, давно я не был.

Алексей придвинул рисунок к общему плану. Мастерская на старой схеме была одним серым пятном. По нему не определишь ни двери, ни стенки бывшего сарая. Кто ответит, где сейчас люди? Два выхода, к каждому свой подъезд. Приедешь, а тебя ждут с другой стороны.

— Ты с кем говорила? — спросил он Ирину. — Оттуда?

Она крепче сжала телефон.

— Мне ещё перезвонят. Сейчас не могла как следует расслышать.

— Когда перезвонят, дай мне. Надо понять, кого забирать.

— Хорошо.

Зазвонил настольный аппарат. Ирина протянула к нему руку, Серов отодвинул свой локоть. На краю стола не помещались даже два раскрытых листа. Алексей сложил Борисов рисунок пополам и убрал в карман.

Борис забрал с крыльца сумку и отнёс в лодку. У двери он застегнул жилет и остался ждать снаружи.

— У меня готово. Идём?

Ирина закрыла ладонью трубку.

— Из штаба. Фургон могут дать только с верхней улицы.

— Не нужен нам фургон, — ответил Алексей. — Дорогу закрыли. Я сказал уже. Лодку готовим.

— Они спрашивают, если вторая придёт, на кого её ставить.

— У нас женщина одна, сама выйти не может. Мастерскую пока уточняем. Пусть скажут, кто к ним по другим дворам нужен. Мы здесь не единственные.

Ирина повторила это в трубку. Алексей взял со шкафа вторую сухую сумку. У неё расходился боковой шов, и Борис ещё утром завязал его коротким шнурком. Можно было отнести и её, чтобы потом не возвращаться. Он открыл дверь плечом и услышал своё имя.

— Алексей.

Ирина держала настольную трубку у уха, а в вытянутой руке — свой телефон. Маленький экран светился в её ладони.

— Забери, — сказала она Серову и протянула ему настольную.

Виктор взял аппарат вместе с трубкой; короткий шнур не дотягивался через стол. Алексей поставил сумку на пол.

— Повтори, — сказала Ирина в свой телефон. — Сколько?

Из динамика донёсся сдавленный мужской голос. Слова не разобрать. Ирина прижала телефон сильнее, отвернулась к стене. Алексей отступил, чтобы пропустить в комнату Бориса. Он задержался, увидев у двери ещё одну сумку, и подвинул её носком к стене.

Виктор выставил ладонь: подожди. Штаб спрашивал что-то ещё, а его ручка опять перестала писать. Борис подал ему ручку из нагрудного кармана.

— Внутри уже? — спросила Ирина. — Внизу?

Алексей придвинул к ней чистый оборот календарного листка. Она не взяла. В комнате слышно было только Серова и голос в её телефоне, слишком громкий для обычного разговора, но всё равно неразборчивый.

Ирина опустила руку.

— По мастерской, — сказала она.

— Кто там? — спросил Алексей.

— Двое детей. Вода уже в помещении.

Борис наклонился к столу.

— Это тот, который дверь видел?

Ирина посмотрела на него, потом на Алексея.

— Мне сейчас сказали. Там двое детей, их надо забирать.

Серов перестал писать. Он прижал плечом трубку, развернул тетрадь и нашёл строку мастерской. Над ней оставалось совсем немного места. Алексей отодвинул мокрый листок, чтобы Виктор мог дописать.

Глава 6. Конверт отца

16 октября 2026 года. Реченск

В восемь двадцать в бюро горел свет только над стойкой. Марина сидела за столом Ирины и разбирала оставленные накануне обращения. Когда Илья вошёл, она закрыла верхнюю папку.

— С Алексеем договорился?

Он показал сообщение на телефоне: «Привози. Посмотрю».

— Только доставочный текст, — сказал Илья. — Архивный пакет не открываем.

— Рукописи и контрольные Серова и Алексея у меня, под замком. Галине её авторский комплект вчера утром возвращали. У нас осталось служебное дело. Что сохранилось у неё дома, проверяет Крылов. Подготовленные доставочные экземпляры он тоже просил оставить здесь. Пробный не уноси.

Илья отпер свой ящик. Листы лежали под папкой с незавершённой работой, последней страницей вверх. Ночью он несколько раз представлял, что утром их не найдёт, и теперь некоторое время смотрел на скрепку у верхнего края.

Он сделал копию, проверил, не срезало ли поля, и убрал пробный экземпляр обратно. Марина записала на листе выдач: копия для сверки текста при авторе. Подвинула к нему ручку.

Илья расписался.

— Попроси его разрешить сравнение с контрольным, — сказала она. — Сам ящик до возвращения не открывай никому.

Он надел куртку. Вчера в этом кабинете сидел Максим, вода с его капюшона капала на пол. Теперь под стулом было сухо.

— На первую половину дня меня не будет. К десяти у Серовой.

— По её обращению я посмотрела карточку, — сказала Марина. — Получателем подлинника назначена Вера. Пакет пока закрыт у меня; просмотр рукописи и контрольного текста согласуем с Крыловым.

Марина взяла следующий лист. Он уже вышел в приёмную, когда она позвала:

— Илья. Я тоже хочу понять, кто это сделал.

Он остановился в дверях.

— Я знаю.

Он не знал. Но она оставалась у стола, на котором вчера ещё работала Ирина, и теперь сама проверяла каждую выдачу.

* * *

Отец был одет для выхода. На нём была та же рубашка, что вечером, теперь сухая, заправленная в брюки. На табурете у двери лежала куртка; из кармана торчали перчатки.

— Разувайся. Чайник ещё горячий.

Из кухни донёсся звон блюдца. На полотенце по-прежнему лежали детали крана, только теперь их сдвинули к стене. Илья поставил сумку на свободный край стола.

— Ты уходишь?

— Чуть позже.

— Куда?

— Мне с Ириной надо поговорить.

Отец снял блюдце с чашки и протянул её сыну. На поверхности чая плавала тонкая плёнка. Илья чашку не взял.

— Ты с ней договорился?

— Позвонил вчера, когда ты ушёл. Она подойдёт к половине десятого. У входа встретимся.

— В бюро?

— Рядом. До приёма. Пять минут на улице можно поговорить?

Отец поставил чашку. Илья достал копию из прозрачного файла, разложил листы по порядку.

— Сначала прочти.

— Я за этим и просил привезти.

Алексей надел очки. Дошёл до середины первой страницы, перевернул, вернулся к началу. Илья стоял рядом и видел, как палец отца медленно скользит между строками. На последнем листе палец остановился.

— Это что?

— Я не знаю.

Отец прочёл абзац вслух:

— «Если письмо передадут тебе досрочно, немедленно отнеси в бюро синий домашний пакет и тетрадь Серова, которая сейчас у меня. До сверки с бюро отложи разговор с Дарьей Седовой. Не передавай бумаги никому другому».

Он посмотрел ниже, на подпись, и ещё раз на начало абзаца.

— Такого я не писал.

Илья сел напротив.

— Подпись?

— Моя. Ты же видишь.

— Я вижу изображение. Хочу услышать, что ты подтверждаешь.

Отец снял очки, сложил и положил рядом с чашкой.

— Я написал тебе письмо. Сдал его на хранение. Потом читал распечатку, исправлял, подписывал. Я понимал, что делаю. Это было в девятнадцатом году. Мне тогда пятьдесят пять было, Илья, не девяносто.

— Я не спрашиваю, понимал ли ты.

— А я тебе отвечаю. Подпись моя. Бумаги мои. Приказа тащить тетрадь Виктора в бюро я тебе не давал.

Он дотронулся до последней строки, будто подпись можно было отделить от текста, не порвав лист.

— И раньше не давал?

— Когда раньше? Я её в понедельник получил. До этого у меня её не было.

Дата подготовки доставочного экземпляра осталась на полях: четырнадцатое октября. Илья провёл под ней ногтем. Семилетний заказ и лист, собранный два дня назад. Между ними уже не помещалась одна только забытая просьба о досрочной выдаче.

— Синий пакет существует? — спросил он.

— Существует.

Отец вышел в комнату. Илья слышал, как он открывает шкаф, как одна папка цепляется уголком за другую. Вернулся Алексей с большим синим конвертом из плотной бумаги. Клапан был заведён внутрь, на сгибе бумага побелела.

Он положил конверт рядом с копией.

— Этот.

— Что в нём?

— Мои записи. Черновая последовательность выходов. Копия схемы. Тогдашние, не сейчас составленные.

— С паводка?

— Да.

Отец придержал клапан, не давая ему раскрыться от толщины бумаг. Из комнаты он принёс и серую папку с тетрадью, положил поверх синего конверта.

— Мои бумаги здесь были задолго до письма. Викторовы появились четыре дня назад. Не надо их смешивать.

— В этом абзаце уже смешали.

Алексей посмотрел на текст. Затем подвинул оба предмета от чашки, к сухому краю стола.

— И что бы ты сделал? — спросил он.

— Если бы получил сегодня?

— Если бы меня не спросил.

Илья не ответил сразу. Вчера он ещё предлагал Максиму конверт, обещал найти основание, пытался словами удержать всё внутри знакомого порядка. Сейчас отец сидел в двух шагах. Как легко было сказать ему: «Конечно, я бы тебе сперва позвонил».

— Не знаю, — ответил он. — Я работаю там. Я привык думать, что пакет проверен.

Отец коротко кивнул.

— Я тоже так думал, когда Вера пришла.

Илья выровнял страницы. На верхней оставалось обращение, которое отец прочёл без возражений. На нижней — его подпись. Между ними стояла просьба, под которую уместились две разные папки.

— Дарья Седова — кто? — спросил он.

— Архивист в музее. Она разбирает бумаги о той весне.

— Ты с ней разговаривал?

— Раньше — да.

— Почему здесь просят отложить разговор с ней?

— Я этого не просил.

Отец развернул копию к себе. Прочёл абзац молча, провёл ладонью по лбу.

— Я не помню всего письма по словам. Но тетради у меня не было. И никому отдавать её тебе я не велел. Я ещё вчера тебе это сказал.

— Отдавать я ничего не собираюсь. Ты запретил, пока я держал эти листы в бюро.

— Значит, всё.

— Не всё. Нужно сравнить с тем, что ты подписывал. Рукопись и контрольный лежат в твоём архивном пакете. Марина его сохранила. Если разрешишь…

— Пока нет.

Отец произнёс это спокойно. Отступать было труднее, чем если бы он повысил голос.

— Почему?

— Потому что там моё письмо тебе.

— Здесь тоже оно.

— Здесь уже не совсем оно. Это я вижу. А там то, что я сам написал. И я не хочу сейчас смотреть, как ты его читаешь.

Илья взял пустой файл. Провёл пальцем по краю, отыскивая разошедшиеся слои.

— Оно всё равно будет прочитано.

— Знаю.

— Ты оставил его, чтобы я прочёл после твоей смерти.

Отец потянулся к чашке, но не стал пить.

— Оставил.

За окном грузили в фургон длинные доски. Один из грузчиков приподнял задний конец, второй не удержал свой; дерево стукнуло по борту. Отец повернулся на звук, посмотрел, как они начинают заново.

— Мне нужно время, — сказал он.

— Ты просишь время на то, чтобы решить, можно ли мне знать, что ты сам хотел рассказать?

— Да.

Илья положил файл на стол. Вчера отец отказался объяснить подпись. Сегодня — открыть письмо, в котором могло быть объяснение. При этом именно он сам принёс конверт, тетрадь, сел читать. Илья никак не мог сделать из этих действий одного удобного человека: либо прячущего всё, либо готового на всё ради правды.

— Я скажу Марине, что ты пока не разрешил, — произнёс он.

Алексей кивнул.

Потом отец посмотрел на часы и потянулся за телефоном.

— Мне скоро выходить. Я ей покажу вот это.

Он взялся за копию. Илья придержал верхний лист.

— Зачем отдельно?

— Потому что она готовила выдачу. Мне нужно услышать её объяснение, а не по кругу через тебя и Марину.

— При Крылове она тоже может объяснить.

— Я её пятнадцать лет знаю. Ты думаешь, я за пять минут не отличу, врёт она мне или нет?

— Со станции знаешь?

— С паводка. Она тогда на вызовах сидела. Мы каждый день разговаривали.

— В понедельник Вера тоже думала, что отличила просьбу своего отца.

Алексей отпустил бумагу.

Илья услышал, как сам заговорил громче, и замолчал. Отец смотрел на него. Илья не отвёл глаз.

— Пап. Я вчера узнал про тетрадь от Веры. Сегодня читаю, что должен отдать её туда, где приготовили это письмо. Не через месяц, не после твоей смерти. Сразу. Сегодня утром.

Он повернул лист и показал первые слова абзаца.

— «Если передадут досрочно». Тебе не нужно было бы умереть, чтобы я отнёс бумаги. Мне достаточно было поверить.

Отец подвинул стул ближе к столу. Его телефон лежал между чашкой и копией.

— Что ты хочешь сказать?

— Я боюсь, что потом твоей смертью объяснили бы всё остальное.

— Савельева?

— Не знаю.

— Ты только что сказал.

— Я сказал, чего боюсь. Я не знаю, что она собиралась делать. Не знаю, как умерли Серов и Галина. Оба отрицали досрочную выдачу. А сейчас в этом листе просят твои бумаги.

Отец некоторое время смотрел на него, затем снял куртку с табурета и положил на спинку свободного стула.

— Я её сам попросил встретиться, — сказал он. — Она не вызывала меня.

— Я слышал.

— Не получится у тебя всё одной линией связать.

— Может быть. А встречаться с ней одному всё равно не надо.

Алексей опустил глаза. Подвинул чашку, взял телефон. На экране было девять пятнадцать. Он нашёл контакт и отвернул телефон к себе.

— Ирина? Корнеев. Да, Алексей. Я не приду.

Он слушал, положив локоть на стол. Илья убрал руку с копии.

— Нет. Никуда переносить не надо. Встречу отменяю.

Отец поднял глаза на сына, но говорил в телефон:

— Да, я вчера сам попросил. Передумал. У меня доставочный текст на руках. Есть вопросы к тому, что здесь написано. Я передам их Крылову.

Илья отвернулся к окну. Грузчики уже затягивали ремень вокруг досок. На подоконнике стоял отцовский стакан с обломанным карандашом и линейкой — всё то же, что лежало здесь, когда Илья ходил в школу.

— Не приезжай, — сказал отец. — Ни за чем. Если нужно будет поговорить, договоримся через следователя.

Он закончил разговор и положил телефон рядом с серой папкой.

— Доволен?

Илья посмотрел на него.

— Спасибо, что позвонил.

Отец отодвинул телефон от папки. На стекле осталось влажное пятно от большого пальца. Он вытер его рукавом и снова открыл недавние вызовы.

— С Крыловым сам поговорю. Ты не подсказывай.

Илья встал и отнёс чашку к раковине. Чай не вылил, так и поставил её на край. Из синего пакета он видел только потёртый клапан. Ему хотелось вытащить бумаги и разложить на столе, пока отец держит телефон. От этой мысли стало стыдно. Илья отошёл к двери.

Крылов ответил не сразу.

— Антон? Алексей Корнеев. Вчера писал вам про тетрадь. Да. Она здесь. И мои старые записи тоже. Синий пакет. Никому ничего не передавал.

Отец слушал. Илья стоял у двери кухни и слышал только его половину разговора.

— С Ириной Савельевой договорился поговорить утром. Сейчас отменил. Нет, не встречались. Я ещё дома.

Он взял лист и надел очки.

— Илья привёз копию того, что ему собирались вручить. Там просят отнести в бюро этот пакет и тетрадь Серова. Я такого не писал и не разрешал передавать. Подпись внизу моя, но этот абзац не мой.

Алексей снова замолчал. На этот раз надолго. Слушая, он потёр переносицу, посмотрел на конверт.

— Понимаю. Да, сохраню всё. Копию тоже. Если нужны сами бумаги, готов передать вам лично. Как договоримся. Сегодня я здесь, на телефоне. Если надо приехать, скажите.

Он коротко ответил ещё на два вопроса, назвал адрес и отключился.

— Свяжется насчёт передачи, — сказал отец. — Я сам с ним договорюсь. Ничего через бюро.

— Хорошо.

Алексей снова взял телефон. Нашёл сообщение Ирине и набрал: «Сегодняшнюю встречу отменил. Сам уже сообщил Крылову. Бумаги не передаю». Показал экран сыну.

— Чтобы потом не выяснять, кто что услышал.

Он нажал отправку и оставил телефон на столе. Копию доставочного письма вложил в пустой прозрачный файл. Разгладил плёнку ладонью.

Илья посмотрел на часы. Девять тридцать пять. До Веры можно было успеть, если взять машину сразу у дома.

— Мне ехать надо.

— Езжай.

Отец собрал с полотенца мелкие детали в старую пустую чашку, но к раковине не вернулся. Он поднял синий пакет и серую папку, посмотрел на них и снова положил на стол.

— Вере скажи, тетрадь цела. Куда-нибудь отдавать без разговора с ней я её не собираюсь. Только Крылову.

— Скажу.

В прихожей Илья надел ботинки, вызвал машину. Отец вышел следом.

— Ты будешь мне звонить каждый час?

— Хотел бы.

— Позвони после Веры. Я отвечу.

Илья кивнул. Отец открыл дверь и посторонился. Когда Илья вышел на площадку, за спиной щёлкнул замок.

Когда Илья сел в машину, пришло сообщение: две фотографии. Синий пакет и серая папка на кухонном столе; рядом копия доставочного письма, закрытая пустым листом. На втором снимке — отменённая встреча в переписке с Ириной. Под фотографиями отец написал: «Ты своё делай. Я здесь».

Илья назвал водителю адрес Серовых.

Глава 7. Последняя просьба Серова

16 октября 2026 года. Реченск

Вера не стала впускать его, пока он не убрал телефон.

— Записывать будете?

Илья показал тёмный экран.

— Нет. Только если сами разрешите.

Она отступила от двери. В прихожей пахло мокрой шерстью; на батарее сушился шарф, под ним на газетах стояли женские ботинки. Вера была в домашних тапочках и пальто. Сняла его, пока он расшнуровывал кроссовки, повесила на один крючок с сумкой, потом перевесила отдельно.

— Я думала, вы раньше приедете.

На часах в прихожей было без двух десять.

— Мы на десять договаривались.

— Да. Я помню.

Она прошла в комнату. На раздвижном столе, с которого убрали всё остальное, лежал белый пакет «Адресата». Вера не села, пока Илья не занял стул у двери. Себе придвинула другой, с противоположной стороны.

— Упаковку можете забрать. Письмо я оставлю.

— Я хотел бы посмотреть и письмо. Тот абзац, где тетрадь.

— Вчера вы сказали: что я готова показать.

— Так и есть.

Она выдвинула из пакета листы, положила их текстом вниз и подала ему пустую оболочку. Прозрачный кармашек для квитанции оторвался с одной стороны. Илья придержал его большим пальцем. Отрыв шёл ровно по сварному шву; бумага внутри осталась целой.

Вручено двенадцатого октября, девять пятьдесят две. Имя адресата и номер совпадали с записью в бюро. Ниже стояло «Досрочная выдача по распоряжению клиента».

— Курьер это вслух сказал?

— Что папа попросил передать при жизни. Я вчера объясняла.

— Помню. Я спрашиваю, читал он отсюда или сказал сам.

Вера потёрла пальцем костяшку другой руки.

— Не знаю. У него телефон был. И планшет, на нём я расписалась. Или только телефон, большой. Я теперь не помню.

— Это можно отдельно проверить.

Он посмотрел на пакет. Девять пятьдесят две — время вручения, а в карточке была только дата. Мелкое уточнение, которое ещё ни на что не отвечало. Илья записал его в блокнот.

— Вы для чего это делаете? — спросила Вера.

— Хочу восстановить выдачу. Что подготовили, что вам сказали, что вручили.

— Тетрадь я уже отнесла. Время поможет её вернуть?

— Тетрадь сохранилась. Отец вчера сообщил о ней Крылову. Сам передаст.

Вера опустила руки на колени.

— А мне он почему не позвонил?

Илья не нашёл ответа. Отец мог попросить у него номер Веры. Спросить про Виктора Петровича, сказать ей, что тетрадь не пропала. Илья вчера сидел рядом и тоже об этом не подумал.

— Я передам, что вы хотите с ним поговорить.

— Не передавайте. У меня есть его номер.

За стеной заработала дрель. Вера подняла голову и замерла, прислушиваясь. Дрель умолкла, потом заработала снова, уже дальше. Кто-то ругнулся на лестнице.

— Простите, — сказала она. — У соседей ремонт. Я вчера ходила. Они час не сверлили.

Илья положил блокнот на стол, отодвинув подальше от её листов.

— Вы можете сами прочесть нужный абзац. Мне не обязательно держать письмо.

Вера подтянула его к себе.

— А если я что-нибудь пропущу?

— Спрошу. Если не захотите отвечать, скажете.

Она посмотрела на него, как будто это была ещё одна услуга, за которую потом выставят счёт. Перевернула верхнюю страницу.

— «Вера, не откладывай: мою рабочую тетрадь за две тысячи одиннадцатый год, которая хранится у тебя с остальными бумагами, передай Алексею Сергеевичу Корнееву. Он знает, что с ней делать».

Илья дописал последнее предложение.

— Всё?

— Про тетрадь — всё.

— Рядом есть ещё поручения? Кому-то позвонить, что-то забрать?

— Нет.

Вера придерживала следующий лист ладонью. Илья видел на нём только нижний край подписи. Тёмная черта на коротком участке бледнела, потом снова темнела. Так выглядела подпись, напечатанная с изображения. Он видел сотни таких читательских экземпляров, делал их сам.

— Виктор Петрович обычно называл тетрадь рабочей?

— А какой её называть?

— Дневником, журналом. У вещей бывают домашние названия.

— Чёрной. У него она была чёрная. Переплёт коричневый, а корешок чёрный. Мы с ним про цвет спорили. Я говорила, что выгорела.

Она посмотрела на собственную руку, которой прикрывала страницу, и убрала её.

— Это что-нибудь значит?

— Пока не знаю. В письме человек может назвать вещь точнее, чем в разговоре. Тем более если текст помогали готовить.

Илья вычеркнул слово, которое начал на полях. Вера заметила движение ручки.

— Что вы зачеркнули?

— Хотел отметить как необычное. Это ещё не необычное.

— Вы себе так и пишете?

— Приходится.

Дрель наконец замолчала. В наступившей тишине было слышно, как в телефоне Веры раз за разом срабатывает короткая вибрация. Он лежал на диване, под подушкой. Она не потянулась к нему.

— Почему тетрадь была у вас? — спросил Илья.

— Его бумаги у меня. Часть. Он всё складывал в одну коробку, потом привозил: посмотри, вдруг тебе что-нибудь нужно. Там фотографии, мои школьные табели, станционные какие-то листки. Я сортировала по папкам, он забирал, когда нужно было. Тетрадь он давно не спрашивал. А тут попросил. По крайней мере я так прочла.

Она выровняла листы о край стола, хотя они уже лежали ровно.

— И я увидела его подпись. Это точно его подпись.

— Само письмо он у нас оставлял. Вам. Это я проверил.

— Тогда что вы хотите найти?

Он мог сказать «расхождение» и остаться внутри своей работы. Вера ждала другого ответа.

— Хочу понять, были ли в согласованном им тексте именно эти слова. Они могли появиться позже.

Она медленно подвинула к нему вторую страницу. Теперь подпись была видна целиком.

— Вместе с подписью?

— Подпись можно напечатать с утверждённого экземпляра. Она у нас для этого и хранится: чтобы в читательском письме оставалась авторская подпись. Добавьте после этого хоть целую строку — подпись-то останется.

Вера смотрела на лист.

— Папа тоже не понял. Я ему говорю: ты сам подписал. Он спрашивает, когда? Я говорю: не знаю. Мы друг друга совсем не слышали. Он думал, я взяла и сама решила отдать.

— Вы потом объяснили?

— Прочла ему. Как вам сейчас. Он велел никуда больше ничего не носить.

Она замолчала.

— А я ему сказала, что он опять всё свалил на меня. Сначала передай, потом зачем передала. Что я не могу знать, о чём они там между собой договаривались.

Из-под подушки продолжало гудеть. Вера вытащила телефон, выключила звук, положила экраном вниз.

— Вы ведь не будете это записывать?

Илья закрыл блокнот.

— Зачем?

— Не знаю. У вас всё записано. Когда принесли, когда отдала. Папа был жив после передачи. А вот это куда у вас пойдёт?

— Никуда.

Вера посмотрела на закрытую обложку. Илья убрал ручку в карман. Он не знал, сможет ли потом не вспомнить её слова, если Крылов спросит о разговоре. Пообещал слишком быстро.

— Я не стану сам включать это в сведения о выдаче, — сказал он. — Про ваш спор. Но если следователь спросит, о чём вы говорили, вам придётся отвечать самой. Я за него ничего обещать не могу.

— А за себя можете?

— Что мне достаточно факта: просьбу он отрицал. Личный разговор я пересказывать не собираюсь.

Она откинулась на спинку стула. Некоторое время оба смотрели на пакет между ними.

Потом Вера взяла письмо и придвинула верхнюю страницу к краю стола.

— Здесь про меня. Я не хочу, чтобы это у вас там читали все подряд. Даже если найдёте, кто вставил тетрадь.

— Сейчас ещё не установлено, что вставили.

— Папа сказал, что не писал. Для меня установлено.

Она протянула лист.

— Вот до этой строки можете. Дальше не надо.

Илья прочёл обращение и два коротких абзаца. В первом Виктор Петрович просил не сердиться на него за письмо из бюро. Во втором было:

«Ты говорила, что я никогда не спрашиваю, как у тебя дела, а только проверяю, всё ли сделано. Я спрашивал, когда уже знал ответ и мог быть прав. Прости меня за это».

Следом начиналось поручение о тетради. Илья остановился на границе, которую показала Вера.

— Он такого мне не говорил, — сказала она. — Никогда. Про то, чтобы быть правым.

Илья вернул страницу. Одно слово в обычном заказе, чужая неловкая фраза, исправленная редактором, иногда занимали у него больше времени, чем целый текст. Здесь человек мог подписать красивое признание и не произнести его дочери. А она успела ответить только на поручение под ним.

— Текст можно сфотографировать? Только этот абзац о тетради. И подпись отдельно.

Вера собрала письмо обратно.

— Не сейчас. Я хочу сначала оригинал увидеть.

Он кивнул. Отказ получился настолько обычным, что ему стало стыдно за приготовленные доводы. Это он спешил. С какой стати торопить Веру?

— Что нужно, чтобы мне его отдали? — спросила Вера.

— Получателем подлинника указаны вы. Я утром перепроверил. Пакет вашего отца в архиве, доступ сейчас у Марины. Я договорюсь с ней и Крыловым, чтобы вы посмотрели оригинал. Там ещё контрольный текст, который Виктор Петрович утверждал. Его тоже нужно будет сверить.

— Опять оператору передадите?

— С Мариной и Крыловым договорюсь сам. Сегодня сообщу, когда можно посмотреть. Вы уже со вторника ждёте.

Вера спрятала письмо в папку, лежавшую под столом. Пакет остался у Ильи.

* * *

Она принесла с кухни стакан воды, выпила стоя, потом налила ещё один ему. Илья не просил, но взял. На стекле осталась полоса от её большого пальца.

— Папа вам не один раз звонил, — сказала Вера.

— Двенадцатого?

— И раньше. Там ещё было. Он просил распечатать, я не сразу сделала. Потом он уже сам хотел забрать всё от вас.

Она достала с дивана телефон и села рядом с Ильёй. Он отодвинул свой стул, оставив ей место у стола.

Вера открыла переписку с отцом. Несколько последних сообщений были пропущенными вызовами; над ними — фотография расписания автобусов. Она провела по экрану выше и открыла вложение.

— Это он мне в воскресенье прислал. Сказал, сохрани, завтра распечатаешь. У него принтер полосами печатает. Я ему давно говорила новый купить.

На экране было письмо в бюро от одиннадцатого октября. Илья попросил увеличить верхнюю часть. В поле получателя стояло название «Адресата», в обращении — «Ирина».

Виктор Петрович требовал подготовить к возврату архивный пакет целиком: рукопись и согласованный контрольный текст. Дальше шло предложение, которое Илья прочитал дважды:

«Уведомление об отказе от участия в музейной выставке я не подписывал и передавать его Д. Седовой не просил. Дайте письменный ответ, на каком основании это сделано».

Ни слова о тетради Корнееву. Одиннадцатого её ещё никто никуда не носил.

— Отказ от выставки? — спросил он.

— О паводке. В музее готовят. Он сначала хотел, потом начал с вашими спорить.

— Он вам говорил, что сам отказался?

— Я у него не спрашивала. Он прислал напечатать. Я думала, вы там сами знаете, о чём речь.

Илья посмотрел на дату ещё раз. Воскресенье, одиннадцатое. За день до выдачи. Письменное требование появилось раньше разговора с Верой о подписи и исполненном поручении.

— Есть ответ?

Она вернулась к переписке. Следующий пересланный файл пришёл в понедельник после полудня. Вера объяснила, что отец прислал и его: положить к первому, когда распечатает.

«Виктор Петрович, досрочная передача выполнена по Вашему распоряжению. Подлинник сохранён в архиве. Остальные вопросы обсудим при встрече завтра, тринадцатого октября, на станции. Время подтверждаю».

Подпись: Ирина Савельева.

Вспомнилось отцовское: «Она тогда на вызовах сидела».

Илья придвинул к себе стакан и не стал пить. Когда в бюро искали заявление о досрочной выдаче, такой ответ уже четвёртый день находился у дочери клиента. Там, куда никакой оператор не мог зайти и незаметно заменить строку.

— Время встречи в предыдущем сообщении есть? — спросил он.

Вера полистала файл.

— Здесь не видно. Это он переслал отдельно.

— Значит, пока только дата.

— Вы же знаете, что его на станции нашли.

— Мне сообщили только о смерти.

Вера потянула стакан к себе и остановила у края стола.

— На станции. Сказали, упал. Подробностей пока не объяснили. Он туда по делам ходил, у них там старые вещи оставались. А теперь я читаю: встреча.

— Судя по письму, встретиться они должны были на станции. Кто пришёл и когда, нужно проверять.

— Вы у неё спросите?

— Я передам Крылову. И сам спрошу про ответ.

Она вернула телефон к себе. Илья не успел попросить сохранить оба сообщения.

— Я ничего стирать не буду, — сказала Вера. — Я не стираю его переписку.

— Их нужно передать Крылову. В том виде, как пришли к вам. Он проверит дальше.

Вера держала телефон обеими руками.

— Папа пришёл за своим письмом?

— По этому ответу — собирался обсуждать несколько вопросов. Что было на станции, отсюда не видно.

— И ему сказали, что он сам всё попросил.

Илья кивнул.

— А потом то же самое сказали мне. Во вторник. Когда я рукопись просила.

— И вам не дали ответа.

— Ответ дали. Сказали, проверяют.

Она положила телефон на стол перед ним. Илья не взял его.

— Я позвоню Крылову, скажу, что нашлось. А вы решите, когда и как передать. Он сам свяжется с вами.

— Вы скажете только про эти два?

— Про два сообщения. И про абзац, где просили отнести тетрадь. Его текст вы мне прочли.

Вера подвинула папку ещё дальше от Ильи. Он ждал.

— Вы можете ему это сказать. Я подтвержу. Но всё письмо я пока никому не отдам. У него часть жизни там. Пусть объяснят, зачем нужно целиком.

Илья открыл блокнот.

— Можно записать, что именно вы разрешили?

Она прочла через стол каждую строку, которую он написал. На словах «письмо Серова» остановила:

— Абзац письма. Исправьте.

Он исправил.

* * *

Вера вышла с ним, заперла дверь и дважды потянула ручку. На площадке лежали белые крошки штукатурки. Дверь соседей была приоткрыта; за ней кто-то разрезал ножом длинную полосу обоев.

— Спасибо, что подождали, — сказала Вера в щель.

Мужчина, стоявший на коленях у стены, обернулся.

— Да что вы. Мы сегодня с той стороны будем. Тут уже всё.

Она кивнула и пошла вниз, держась за перила поверх рукава. Илья спустился следом.

У подъезда Вера остановилась.

— До вашего отца вместе пройдём? Не к нему. До двора.

— Можно.

Она шла быстро; ему приходилось обходить лужи по внешнему краю тротуара. Через дорогу открывали овощной киоск. Продавец сбрасывал с ящиков мокрый брезент; у закрытого окошка стояла женщина с сетчатой сумкой, терпеливо ждала, хотя до открытия оставалось ещё четверть часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.